

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛИАН УАЙТ

18+

ОПАСНЫЕ ИГРЫ

Лиан Уайт

Опасные игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69434341

SelfPub; 2024

Аннотация

Они уничтожили меня ещё десять лет назад, когда я была подростком. Беспощадно прошлись по моей жизни, забрав самого близкого и родного человека. Все, что они оставили за собой, – обожженное пепелище, где остывало обугленное, разбитое и раздираемое болью детское сердце. Мне потребовалось несколько лет, чтобы вернуть себя к жизни, собрать по кусочкам разбитые осколки и начать воплощать свой план мести, чтобы в конечном итоге посмотреть каждому причастному к моей трагедии в глаза. «Бокка Ди Леоне» – преступный синдикат мафии в Нью-Йорке. Жестокие, властные, аморальные... продолжающие творить ужасные вещи по сей день. Я готова пойти на все, чтобы положить конец этому раз и навсегда. Так я думала до того момента, пока не встретила человека из своего разрушенного прошлого.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	38
Глава 3	55
Глава 4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Лиан Уайт

Опасные игры

Пролог

Десять лет назад

Камелия

Каждые пять секунд я поглядываю на свои наручные часы в ожидании минуты, когда наконец-то автобус доедет до нужной мне точки. Мои большие наушники приглушают все посторонние звуки и позволяют насладиться музыкой в полной мере. Смотря в окно, я широко улыбаюсь знакомым с детства улицам. Сердце трепетно бьется в ожидании встречи с отцом. В ушах играет любимая песня The Killers «Shot At The Night», и я ненароком постукиваю ногой в такт мелодии.

Как только автобус сворачивает на улицу Vittorio Emanuele, я оживленно поднимаюсь с места и направляюсь к выходу. Оказавшись на улице, сдуваю прядь волос, небрежно упавшую на лицо, и вдыхаю запах родного города. Знойный июльский воздух касается моей кожи, и она становится влажной от духоты, витающей в воздухе. Я по-детски весело кружусь и чертовски радуюсь, что наконец дома.

Пустой рюкзак, свисающий с одного плеча, напоминает о том, что на ближайшие несколько недель можно смело забыть об учебе. Моя школа-пансионат находится в соседнем от Катании городе, столице Сицилии – Палермо, и каждый семестр у нас есть возможность разъезжаться из кампуса по домам на две недели. Наверное, мне повезло больше остальных, поскольку я живу не так далеко, как некоторые мои одноклассники, которые не всегда могут себе позволить такую роскошь, как поездка домой к родителям. Я пишу папе смс, что уже через несколько минут буду дома, и предвкушаю, как буду рассказывать ему об интересных знакомствах и новых предметах в семестре.

В нашей жизни многое поменялось за эти семь лет, с момента, как умерла мама. Я до сих пор сильно грущу по ней, а иногда, закрываясь в комнате, плачу, вспоминая её. Помню ее тёплые руки, безграничную любовь, заботу и доброту. Мне всегда будет ее не хватать. Но я знаю, что она за мной наблюдает и заботится, даже если физически ее нет рядом. Отец заменил мне весь мир и старается быть для меня опорой и самой лучшей поддержкой в жизни. Однажды, когда боль потери захлестнула меня с особой силой, так, что тряслись руки от отчаянья и невозможности принять реальность, он сказал, что мой мир никогда не разрушится, потому что он будет самой крепкой и высокой стеной, защищающей меня от всего негатива. И это правда так. Мой папа – самый крепкий орешек и самый заботливый отец на планете.

Последние три года я учусь в школе, а папа пропадает на работе целыми сутками, и мы редко созваниваемся. Но как только наступают каникулы, он откладывает дела и посвящает все своё время мне. За несколько недель до моего приезда мы планируем наше совместное время так, чтобы успеть все и по-настоящему отдохнуть. Частенько мы ходим в море под парусом, а по вечерам разжигаем костёр во дворе и жарим маршмэллоу. Мы даже придумали свою традицию, связанную с моим приездом, – готовим до невозможности вкусную лазанью по рецепту мамы. Наверное, она пришла бы в ужас, увидев, какой бардак мы оставляем после готовки этого потрясающего блюда.

Я заглядываю в витрины магазинов, наслаждаясь атмосферой летнего города. Открытые веранды, столики под зонтиками и люди, всегда одетые с иголочки, как на праздник. Сворачиваю на улицу, где живу, и ускоряю шаг, чтобы приблизить долгожданную встречу. Три года назад мы продали квартиру на окраине города и переехали ближе к морю в большой дом, который отец построил сам.

Открываю ворота с помощью магнитной кнопки и прохожу во внутренний дворик, усеянный огромным количеством цветов по краю мощеной дорожки. Я оглядываю все растения и нежно прикасаюсь к их лепесткам, вспоминая, как дома с мамой мы сажали цветы в горшки. Мои мысли прерывает звук открывающейся двери и громкие шаги. Я бросаю рюкзак на асфальт и бегу в объятия отца.

– Папа! – крепко прижимаюсь к нему и визжу от переполняющего счастья.

Я его почти не узнаю. С момента моего отъезда он помолодел лет на десять. Надо же, побрил голову налысо и отрастил весомую бороду, которая подчёркивает широкие скулы и придает ему еще более brutальный вид. Не знаю, что так повлияло на изменение его внешности, но теперь привычному деловому гардеробу он стал предпочитать свободные клетчатые рубашки и начал носить прямые джинсы с подворотом. В свои пятьдесят пять лет он выглядит супер и подаёт пример многим своим сверстникам, которые решили, что после полтинника можно спокойно превращаться в дедов на пенсии. И только несколько глубоких морщин на лице, появившихся не так давно, рассказывают о том, что ему пришлось нелегко. Любая пережитая боль искажает взгляд, но его добрые карие глаза все так же светятся, несмотря ни на что. Он смеется, приподнимая меня от земли, и говорит то, что и всегда при каждой нашей встрече:

– Привет, моя звездочка! – Положив свои руки на мои плечи, он оглядывает меня с ног до головы и, по-доброму цокая, качает головой. – Я тебя не видел четыре месяца, а ты так выросла!

– Что, правда? – С хитрой улыбкой прищуриваюсь, выискивая правду в его глазах. – Но я все ещё остаюсь самой низкой в классе.

– Это не ты самая низкая, это твои одноклассники очень

высокие.

Усмехнувшись ему в ответ, я по-дружески толкаю его в плечо.

– Пойдём скорее в дом, и так что-то припозднились.

Мы проходим в гостиную, где все осталось лежать так, как было до моего отъезда. Каждая деталь полна воспоминаний. На тумбе возле телевизора расставлены мои детские фотографии, а рядом с ними – фигурки из глины, которые я лепила для школьных конкурсов. Фотография мамы, где она улыбается и держит меня, совсем крохотную, на своих руках. Такой я ее и запомнила. Могу только представить, как отцу было тяжело справляться со мной в одиночку после ее смерти, а сейчас ещё и до жути непривычно находиться в пустующем доме без громких разговоров и смеха. Я жду, когда закончится школа, чтобы приехать домой надолго, пока не придёт время поступать в университет. Не хочу, чтобы мой отец все дни проводил на работе, без желания возвращаться в одинокий дом. Хотя он, конечно, пытается делать вид, что все у него нормально, чтобы я лишней раз не переживала.

Я поднимаюсь на второй этаж и открываю дверь своей комнаты. Запах мармелада и корицы витает в воздухе, все ещё напоминая о моей гордости – небольшой коллекции самодельных духов. Частички пыли в солнечном свете заполняют всю комнату и оседают на коже, а лучи закатного солнца открашивают все пространство в грейпфрутовый цвет. Я вытаскиваю из шкафа любимое худи и джинсовые шорты

и бросаю на кровать. Закрываю зеркальную дверь шкафа и смотрю на своё отражение. Моя кожа стала смуглее от обжигающего летнего солнца, а вот волосы, наоборот, выгорели и приобрели оттенок молодого каштана. Я завязываю высокий хвост на затылке, затем слышу доносящийся из кухни недовольный голос отца:

– Что случилось? – Спускаясь по лестнице, я успеваю прокатиться на перилах, как делала это раньше, в детстве.

– Забыл купить по дороге домой сливочное масло.

Отец тяжело вздыхает, осматривая содержимое холодильника.

– Ерунда, я сбегаю. – И тут же надеваю конверсы, сидя на корточках. – Без меня не начинай готовить, я быстро!

* * *

На улице уже совсем стемнело, когда я, набрав полный пакет продуктов, возвращаюсь обратно. Рядом с домом замечаю несколько припаркованных машин, которых не видела ранее. Я знаю отлично всех папиных друзей, а у него их не так уж много – всего лишь двое. И ни у одного из них таких машин не было. Да и стали бы они покупать одинаковые? Может быть, это его партнёры решили приехать посмотреть новый дом или переговорить по поводу очередного строительного проекта? С другой стороны, кто обсуждает работу в пятницу вечером? Эй, у нас, между прочим, уже есть про-

ект, и это лазанья.

Я поднимаюсь на крыльцо и дергаю за ручку, чтобы зайти внутрь. Дверь ещё не успела открыться до конца, а мой взгляд уже выхватил ботинки отца, сидящего на стуле. Мгновение спустя я делаю шаг в гостиную и вижу то, во что не могу поверить. Ещё несколько секунд я по инерции улыбаюсь – ведь я успела заскочить ещё и за любимыми булочками в пекарню на углу улицы. Но как только до сознания доходит суть происходящего, мое лицо искажается ужасом. Руки невольно выпускают пакет с продуктами, и все содержимое с шумом летит на пол. Мой самый близкий и любимый человек сидит, привязанный к стулу грязными холщовыми верёвками, в окружении лужи из собственной запёкшейся крови. Холодный мандраж, окативший меня с ног до головы, заставляет пошатнуться и упасть на пол. Отползаю в дальний угол, чтобы спрятаться от этой леденящей душу картины. Каждая клетка моего тела сжалась в тугий узел, не дающий дышать. Меня трясёт от страха и невозможности поверить в происходящее. Пульс разгоняется до смертельно-опасной отметки. Вот-вот мое сердце разорвётся на несколько частей. Во мне миллиард чувств и пустота одновременно.

«Папа... просто скажи, что это очередная твоя ужасная «чёрная» шутка», – шепотом умоляю я, закатывая заплывшие от слез глаза к потолку. Безответно.

Воздух пронизан глухой, бьющей мокрым хлыстом по щекам, реальностью. Мои мысли, словно пинг-понг, скачут в

голове, не давая возможности понять, что произошло за эти тридцать минут моего отсутствия. Господи, кто с ним это сделал? Что происходит?

Я кричу немым криком о помощи, боясь не справиться с собственными чувствами. Вытирая рукавом бесконечный поток слез, я тянусь к телефону, чтобы набрать 112. Кажется, что гудки звучат бесконечно, отзываясь эхом в моих ушах. Я смотрю куда угодно, только не на отца, испачканного кровью, чтобы не упасть в обморок от витающего в воздухе запаха железа. Тошнота подступает комом к горлу и не даёт возможности сказать ни слова. После небольшого шипения в телефоне я слышу мужской голос.

– Оператор Марко. Округ Сан-Нулло. 1-1-2. Что у вас случилось?

– Я... – заикаясь, еле сдерживаюсь, чтобы не задохнуться в попытках сказать хотя бы что-нибудь, чтобы меня поняли на том конце трубки. – Мой... отец... – Я захлебываюсь собственными слезами, не в силах сдерживать их. Телефон скользит по моим рукам, насквозь пропитанным холодным потом. Я продолжаю сбивчиво говорить, – моего отца у... – не успеваю закончить предложение, как из моих рук с особой жестокостью выбивают телефон, и он отлетает в другой конец комнаты.

Я визжу от страха и закрываюсь руками, защищаясь от неизвестного человека.

Мое опухшее лицо залито слезами, сквозь которые я не

вижу ничего, кроме чёрных силуэтов. Меня берут под руки два человека и волоком тащат по полу, бросая как ненужную вещь на ковёр посередине гостиной. Я слышу, как оператор все ещё задаёт мне вопросы, но это прекращается в тот момент, когда один из незнакомцев разбивает телефон ногой, оставляя от него лишь пыль.

– Камелия, верно? – грубый мужской голос задаёт мне вопрос из глубины комнаты.

Все плывет перед глазами, я даже не сразу понимаю, что обращаются ко мне. Я поднимаю свои глаза и вижу несколько мужчин в чёрном. Петля страха на моей шее затягивает горло ещё туже, зажимая внутри весь оставшийся воздух и слова.

– Отвечай мне, мелкая шлюха! – Он срывается с места и подходит ко мне вплотную. – Тебе известно, что ты отродок крысы? А? – мужчина злобно шипит мне в лицо, в одночасье лишая мое тело души.

Я плачу навзрыд, не понимая и не веря, что это все происходит со мной наяву. Я почти шёпотом отвечаю ему, не в силах держать удар.

– Вы совершили ошибку, мой отец... хороший человек, он не сделал ничего плохого. Кто вы? Пожалуйста, не убивайте меня, я умоляю вас, это какая-то ошибка, – вздыхая на половине слова, я смотрю на своего отца сквозь стоящих напротив меня людей. – Помогите ему, он умирает. – Жгучие слёзы стекают на пол вместе с нестерпимой болью, пара-

лизующей всё тело. – Пожалуйста, – мой голос сильно дрожит, – я никому ничего не расскажу.

Я умоляю его всем сердцем оставить нас и уйти. Мужчина в ответ заливается смехом, испытывая, кажется, особое удовлетворение от реакции беззащитного ребёнка перед ним.

– Конечно, девочка моя. – Он убирает свои руки от моего подбородка и отряхивает их, будто только что трогал бездомную больную кошку. – Может быть, тебе купить мармеладок, пока твоего папу будут откачивать в скорой?

– Что вам нужно? – Я смотрю в глаза каждому из присутствующих людей, ища в них хоть какой-то адекватный смысл.

Мой взгляд останавливается на парне, не похожем на всех остальных. С виду ему лет двадцать пять, не больше. Стройный, высокий брюнет, с острыми чертами лица и очень глубоким, холодным взглядом. Он вонзается в меня своими глазами и его зрачки тут же расширяются. Может быть, на фоне всего того, что происходит сейчас, я ищу хотя бы малейшую помощь в глазах такого же подростка, как и я. Но его взгляд тут же становится пустым и меркнет. Он отворачивается в сторону, прерывая наш зрительный контакт. Я смотрю в тёмный коридор, ведущий в подвал, который папа строил для хранения различного инвентаря. В фильмах люди всегда бегут в такие укрытия в попытках спрятаться от убийц. Может быть, там есть что-то тяжелое, что поможет мне защититься от этих извергов в чёрном, а потом я вернусь и помогу от-

цу, позвоню соседям, всем знакомым, чтобы они как можно быстрее приехали. В мое пространство снова входит чёрная тьма в виде облика человека и нарушает поток мыслей.

– Давай-ка ты сейчас вытрешь свои жалкие сопли и поможешь нам найти кое-что, – говорит он и одновременно отдаёт приказ своим людям. – Несите сюда этот сраный компьютер! Живо!

Двое парней послушно ринулись с места и помчались наверх. Он наклоняется ко мне и продолжает сыпать бесконечными угрозами.

– Твой папа связался с плохими дядями, за что получил по заслугам. – Его взгляд скользит по вещам на тумбочке и останавливается на фотографии мамы. Мужчина берет фото в руки и говорит то, за что отец разорвал бы ему глотку своими зубами. – Твоя мать, да? – Медленно разглядывая фото, с животным оскалом он поглаживает ее волосы, проводя пальцем по стеклу. – А может, и хорошо, что она умерла. Сейчас бы ей пришлось очень нелегко. – С тошнотворной мерзкой ухмылкой он облизывает свои пересохшие губы.

Не знаю, сколько мне понадобилось времени и сил, чтобы схватить самую большую фигурку из глины и со всей дури впечатать ее в висок мужчины. На его лице появилась глубокая рана с бегущей маленькой струйкой крови. Он отпрянул от меня и зажал лицо руками, выкрикивая такие ругательства, которых я в жизни не слышала. Я бегу, спотыкаясь о собственные шнурки, но новая порция адреналина, текущая

по венам, даёт возможность не обращать внимания на это. Практически оказываюсь у железной двери подвала, но меня ловят чьи-то мощные руки и с силой возвращают на шаг назад, лишая возможности пошевелиться.

Я грубо утыкаюсь в железную грудь мужчины, чей рост выше моего на две головы. Страх давно отступил, а на его место пришла неистовая, искрящая злость. Мышцы налились свинцом в ожидании атаки. Я готова бороться за свою жизнь, пускай и зная, что такую глыбу льда мне не победить в одиночку. Он смотрит на меня, будто ястреб на свою добычу, желающий убить прямо в эту секунду. В тяжелом взгляде я вижу одержимость, демонов, усмехающихся надо мной и желающих скорее разорвать меня на части. Оглушающую боль внутри меня выдают лишь предательские слёзы отчаяния.

Рука мужчины сжимает мое плечо до хруста и почти ломает его, но внезапно его взгляд меняется. В глубине его глаз теперь я вижу свое отражение и свет, озаряющий его лицо другими красками. Сейчас это похоже на то, будто в теле одного человека умещаются несколько личностей, абсолютно противоположных друг другу. Доброта и злость, которые в эту секунду решают, кто выйдет на свет. Он ослабляет хватку, а я выскальзываю из его рук. Все ещё смотря ему в глаза, неуверенно открываю железный замок и с шумом закрываю за собой дверь. Соскальзываю по двери на пол и прислушиваюсь к каждому шороху. Я все ещё чувствую его за этой дверью и с холодным ужасом жду, что будет дальше. Мне

остаётся верить, что оператор давно засёк мое местоположение и вызвал полицию. Мужские шаги отдаляются и вскоре исчезают вовсе. В крошечной темноте я двигаюсь почти на ощупь, задевая ногами на полу что-то металлическое. До меня доносятся отголоски разговора мужчин. Сердце отбивает бешеный ритм, заглушая часть их слов. Но то, что мне удаётся услышать, заставляет мое тело застыть и закрыть рот обеими руками от нарастающего шока.

– Босс, мы привезём лом и все, что нужно, чтобы открыть дверь. Девчонка никуда не денется. – Вслед за словами слышны громкие шаги.

Я слышу, как открывается входная дверь, и в тот же момент мужчина, убивший моего отца и оскорбивший мать, произносит то, что режет мое сердце на лоскутки.

– Нет. Отбой. Пускай эта сучка напоследок запомнит, кто мы.

После его слов наступает недолгая пауза.

– Сожгите здесь все, чтобы от этого дома не осталось и следа.

Мое тело полностью обмякает, и я падаю на пол, испытывая чудовищный страх смерти в эту секунду.

Глава 1

*Память согревает человека изнутри.
И в то же время рвёт его на части.
Харуки Мураками. «Кафка на пляже»*

Камелия

– Мисс, Ваш стол номер пятьдесят пять, – вручая мне пригласительный, произносит хостес. – Лифт находится в левой части лобби. Приятного вечера.

Лёгким кивком меня приглашают войти внутрь отеля. Тут все основано на эклектике, и каждая деталь кричит о роскоши и богатстве. Это место создали для ценителей настоящего искусства. Мраморный пол отражает хрустальные люстры с подвесками из страз. В зоне ожидания располагается величественных размеров персидский ковёр, расшитый вручную. Стены с лепниной рисуют в голове картинку Древнего Рима, а колонны с золотой гравировкой и витиеватая лестница в стиле барокко погружают в атмосферу Венеции XVII века.

Медленно, наслаждаясь каждым сантиметром этой роскошной сказки, я поднимаюсь к частному лифту для VIP-гостей. Он-то мне и нужен. Сегодня я тоже особенная гостья, хоть и не красуюсь в списке Forbes и не являюсь женой одного из владельцев отеля. Впрочем, стоит отметить, что

это очень облегчило бы мне жизнь, поскольку одной из отличительных черт этого отеля является то, что сюда не могут попасть люди без своей официальной пары. Но деньги или связи решают все. За хорошие чаевые в качестве официальной подружки сюда могут пустить даже проходящую мимо шлюху. Мир меркантилен. Все покупается и все продаётся. Именно по причине таких требований мне пришлось проявить всё своё искусство соблазнения и втянуть в свой план ещё одну пешку. Томас Шон – акционер розничной сети магазинов. В прошлом году он продал акции на сумму более 8 миллиардов долларов. С таким финансовым положением он мог бы стать отличным завидным женихом почти для каждой женщины Америки. Вот только одна загвоздка – он уже женат десять добрых лет. Но Шон, как и многие другие мужчины, осознающие всю свою мощь, конечно же, не сильно хранит верность семье.

Мне не составило труда познакомиться с ним на одном из благотворительных вечеров. Еще ни один мужчина из моего списка не мог устоять от платья с глубоким декольте. Этот наряд так же банален, как и реакция мужчин. Добавить сюда ещё милую улыбочку и взгляд, полный восхищения и желания, – и он твой окончательно и бесповоротно. Как оказалось, для Томаса подобного рода знакомства на светских мероприятиях – уже привычная ситуация, ведь он давно не посещает их со своей женой и мало кто сможет хотя бы вспомнить, как она выглядит. Впрочем, несмотря на то, что мне

доводилось много раз проворачивать подобного рода дела, я все же ставила на то, что мы познакомимся у него в офисе на Пятой авеню или в лифте его дома, где я буду в роли туристки из Италии, прилетевшей посмотреть Нью-Йорк. Как-то часть меня хотела верить в то, что он хотя бы старается скрывать своих любовниц от жены, но все оказалось куда более тривиально.

Лифт начинает отсчёт этажей сверху вниз. Пятьдесят семь, пятьдесят шесть, пятьдесят пять... С его приближением внутри закипает что-то похожее на тревогу, ведь этот день я ждала очень долго. День, когда я посмотрю в глаза тем, кто разбил, растоптал, уничтожил меня прежнюю, оставив только пепелище. Мне понадобились годы, чтобы вернуть себя к жизни, собрать, как мозаику, состоящую из миллиона пазлов событий, мечт, желаний, надежд и разочарований. И что-то все же мне удалось склеить. Но вместе с этим я отрастила огромный непробиваемый панцирь. Защитную оболочку от всего негативного, что может вновь меня окунуть в то состояние, из которого, казалось бы, не было выхода. «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее». В мысли пробиваются отрывки из памяти, о которых больно думать. Ещё больнее думать о том, что с этим придётся смириться и жить дальше. Но как показала мне жизнь, время не лечит. Оно затягивает рваные раны, оставляя некрасивые шрамы на теле. И каждый раз, смотря на них, ты видишь всю историю их происхождения, которую невозможно забыть, сорвать с кожей,

стереть из памяти.

Теперь, поднимаясь на 71 этаж на частном лифте, я чувствую себя окрыленно, пьяняще. Сама мысль о том, что я наконец начала воплощать в жизнь то, что так давно планировала, пленит и дурманит. И чем выше я поднимаюсь, тем меньше чувствую себя тревожно. Я, черт возьми, на своём месте.

Двери лифта медленно открываются, представляя моему взору огромный зал с приглушённым светом. Уверенным шагом от бедра я направляюсь в сторону бара, чтобы не приковывать к себе лишние взгляды, но делать это получается с трудом.

Это казино не похоже на все другие, которые мне доводилось видеть. А побывать мне пришлось во многих. Чтобы отыскать то самое, где я точно смогу увидеть этих ублюдков. Десять лет своей жизни я не жила. Я была одержима планом мести, желанием расплаты и справедливости. Я научилась жить вопреки всему. Я нашла смысл. Именно поэтому с сегодняшнего дня я играю ва-банк, пускай и ценой своей жизни.

– Мартини тоник, пожалуйста, – озвучиваю свой заказ бармену.

Облокотившись на небольшой барный стул, сажусь вполоборота, чтобы спокойно рассмотреть все происходящее в зале. Глазами ищу знакомые лица, но в ответ ловлю на себе лишь грязные, пошлые взгляды сидящих за игровыми стола-

ми мужчин. Сколько должно быть денег у человека, чтобы, находясь за покерным столом, в момент повышения ставок, пялиться на девицу у бара, а не следить за реакциями других участников? Таких людей в покере профессиональные игроки называют «рыбами». «Фиш» – это определение игрока, который либо недавно начал играть, либо играет давно, но исключительно ради удовольствия. Они не утруждают себя тонкостями игры, стратегиями других игроков или тактическими манёврами. Их главное оружие против других – это деньги, которыми они не сильно дорожат. Именно поэтому они готовы идти до конца, не боясь промахов. Главная цель в игре с таким оппонентом – уметь вовремя закинуть наживку. И если все сделано правильно – рыбка на крючке. Несмотря на то, что покер в моей жизни появился недавно, так называемых рыб я встречаю очень часто, и не только за покерным столом.

– Ты пришла, – облегчённо произносит Томас, подходя ко мне со спины. – Я решил, что ты передумала, – делая небольшую паузу, он садится напротив меня, подзывая жестом бармена.

Вместе с появлением Томаса я слышу запах дорого парфюма, окутывающего меня с ног до головы. Его как всегда идеально уложенные светло-каштановые волосы зачёсаны назад и сильно блестят от приличного количества геля.

– Красивым девушкам не место за покерным столом, – с лёгким смешком он завершает свои сексистские размышле-

ния и берет в руки чистый Masallan со льдом.

Не сводя с Томаса глаз, я медленно подношу бокал к своим губам и блаженно смакую вкус коктейля.

– Красота ещё никогда никому не мешала забирать весь банк, – обнажая зубы, хитро улыбаюсь ему и тщательно прячу нотки агрессии в своём голосе.

Когда я собирала досье на Томаса Шона, читая различные источники, я видела сводки новостей про пожертвования миллионов в детские дома и реабилитационные центры для инвалидов. Казалось бы, этого было достаточно, чтобы предположить, что с чувством эмпатии у Томаса все в порядке. Но каждый раз, возвращаясь к его личной жизни, у меня никак не складывался пазл в идеальную картинку. Человек жертвует миллионы, чтобы помочь другим, но сам является антипримером мужа и отца для своих детей. Конечно, мои розовые очки уже давно выброшены на помойку, и я прекрасно понимаю, что та картинка, которую люди показывают на всеобщее обозрение, не всегда соответствует действительности. Посему наличие эмпатии человека к чужим бедам вовсе не означает ее наличие к своим же близким. Также мне удалось узнать, что некоторые компании, принадлежащие ему, работают совсем не по назначению. Это всего лишь красивая обертка, за которой скрывается отмывание денег и другого рода коррупция. Этот человек не так прост по своей натуре. Но мне и не нужно заходить настолько далеко. Разве что что-то в моем тщательно прописанном плане пойдёт

не так. А это практически невозможно. Томас Шон – всего лишь пешка на моем шахматном столе. Более важные фигуры появятся чуть позже.

Мельком я замечаю в его взгляде что-то похожее на волнение. Его глаза бегают по моему лицу в поисках реакции, которая выдала бы меня с потрохами. Возможно, он о чем-то догадывается. У Шона достаточно связей, чтобы добыть хотя бы немного информации обо мне. Но там не будет ничего, что могло бы его заинтересовать и дать повод не доверять мне. Последние десять лет жизни меня будто не существовало, и вряд ли об этом где-то можно почитать. Кому есть дело до очередной итальянки из Сицилии, где по сей день правят люди, держащие в ужасе весь город. Мне нужно, чтобы он мне доверял ещё какое-то время. Иначе все может пойти не так, как мне хотелось бы. Конечно же, имея в запасе варианты б, в, г, д, не так страшно ошибиться. Но мой план «а» так хорошо продуман, что, надеюсь, мне и не придётся использовать все остальные.

– Что ж, тогда самое время познакомить тебя с моими приятелями. – Протягивая мне руку, Шон сопровождает меня взглядом и медленно подносит мою руку к своим губам. – Ты потрясающе выглядишь, Камелия. Пойдём за мной.

* * *

Томас ведёт меня под руку, совершенно не реагируя на по-

сторонние взгляды. Эта черта его характера мне определённо импонирует. Ему плевать на все и всех. Тем более, мужчине ведь есть, что показать. На мне лучшее платье из моей скромной коллекции. Бархатная ткань усеяна крошкой из миллиона мерцающих блёсток. Небольшой разрез снизу оголяет мое бедро, но и его прикрывает свисающая бахрома из маленьких страз. Тонкие ремешки на шпильках, будто маленькие змеи, элегантно, накрест обвивают мою лодыжку. Из-за небольшого каблука я выгляжу совсем хрупкой рядом с Томасом, чей рост выше моего на тридцать сантиметров. Мой внешний вид не бросается в глаза с сигналом «вульгарщина». Я, наоборот, постаралась подобрать свой образ так, чтобы выглядеть в нем изысканно и дорого. Чувство стиля у меня было всегда. И именно поэтому одеваться к месту я умею.

Мы огибаем круглые столы для игры в рулетку и двигаемся в сторону арки, ведущей в зал для привилегированных гостей. Мне чертовски льстит его намерение познакомить меня с кем-то из его так называемых приятелей. Хотя, впрочем, я сомневаюсь, что именно в этом месте люди вообще способны завести друзей.

Проходя по узкому коридору, я стараюсь незаметно для Томаса осмотреться, чтобы не упустить ни одной детали, которая поможет мне выбраться отсюда целой и невредимой. Если что-то пойдёт не так, мне нужно знать о всех лестницах, ведущих к запасному выходу. К одному из таких ведёт та

дверь, на которую я сейчас смотрю. Светящаяся на ней табличка «EXIT» успокаивает меня, будто напоминает, что из любой ситуации можно выбраться. И я не раз убеждалась в этом. Второй свободной рукой касаюсь плеча мужчины, чтобы своим жестом показать, что полностью доверяю ему. Даже если за этими дверями меня ждут бандиты с оружием или что-то гораздо хуже.

На входе нас встречают два охранника, полностью в чёрном обмундировании. Такое ощущение, что они скупили весь склад оружия и надели его на себя. Шон, конечно же, знал, что это стандартные правила посещения казино, тем более зала для VIP-гостей. Одному Богу известно, кто посещает стены этого заведения. Нас осматривают с головы до ног, заглядывая в карманы и обыскивая мою сумочку. Неужели и правда кто-то решится прийти сюда с запасом огнопасных веществ или холодным оружием? После досмотра Томас показывает охране свою карту гостя, и они пристально изучают ее. Сверив код карты на электронном устройстве, которое загорелось зелёным цветом, мужчины одновременно берутся за ручки двери и пропускают нас внутрь.

Атмосфера здесь намного мрачнее, чем в предыдущем зале. Приглушённый свет еле-еле помогает разглядеть лица присутствующих гостей. У меня едва получается увидеть расположение окон, поскольку они занавешены плотными темными шторами «blackout». Повсюду расставлены свечи, которые еле слышно потрескивают. Одежда официантов от-

личается от той, что я видела в общем зале. Белые приталенные рубашки заправлены в брюки с высокой талией, к которым прицеплены подтяжки. На ногах вместо обычных туфель на шнуровке – кожаные лоферы с небольшой серебряной фурнитурой. Несмотря на то, что этот образ довольно мужской, на девушках он выглядит до невозможности элегантно. Звон хрусталя и чуть слышные диалоги создают обстановку какого-то притона, где вот-вот начнётся шоу. Игровые столы подсвечиваются небольшой изящной лампой, висющей под потолком. Для гостей это скорее плюс, чем минус. Полное погружение в игру. За пределами стола людям не видно ничего, кроме силуэтов.

– Бо-о-же. Ну, какие люди! – широко расставляя руки в стороны, мужчина, с виду похожий на Карлсона, идёт навстречу нам. Его наливные розоватые щеки блестят в тусклом свете, отражая искры от люстр. – Я уж было подумал, что ты завязал. Одумался, думаю, – хрипло смеясь, он кладёт на свою губу жирную сигару и поджигает ее. Едкие клубы дыма, выпущенные прямо на меня и моего спутника, заставляют одернуть голову в сторону, дабы избежать отравления никотином. – Ан нет. Во всей красе, – делая небольшую паузу, чтобы отдышаться, мужчина опускает свои бегающие в разные стороны глаза вниз и скользит по моим ногам, медленно поднимаясь все выше, пока не заостряет своё внимание на моей груди. – Кто эта очаровательная куколка, Шон? – лживо улыбаясь, толстяк всем видом хочет показать

свою любезность, которая, к сожалению, на неё не похожа.

– Приветствую, Филипп, – Томас крепко жмёт ему руку в ответ. – Как видишь, завязывать я не планировал. Ни с покером, ни с чем-то другим, – ухмыляясь, Шон высвобождает меня из-под своей руки и берет мою ладонь в свою руку. Во мне же кипит желание ее одернуть. Но Томаса это, к сожалению, не волнует. – Камелия. Моя спутница, которая, между прочим, тоже любит азартные игры, – растягивая губы в улыбке, Шон даже не смотрит на меня.

Надеюсь, я неправильно поняла смысл его слов. Кем он меня перед ним выставляет? Неприятный озноб ползёт по всему телу. Да, мне вроде бы жаловаться не на что. Я сюда пришла не за тем, чтобы любезничать с такими «приятными» людьми. Чувств к Томасу Шону у меня нет. Но, а если бы были? Неужели он поступает так с каждой? Унижая их в разговоре с какими-то зажавшимися придурками. Борясь со своим негодованием, я продолжаю строить из себя, как выразился наш новый знакомый, «куколку». Жаль, что не невидимку. Внутри пульсирует желание наконец-то перестать играть в этот паршивый спектакль. Но еще рано, Камелия. Очень рано.

– Это просто прекрасная новость, Томас, – хлопая в ладоши, удивлённо восклицает этот напыщенный индюк. Мы стоим всего пару минут в его присутствии, а мне уже хочется плеснуть ему виски или чего-нибудь погорячее в лицо. – Мы как раз собираемся поиграть. Присоединитесь, мои до-

рогие? – мужчина ждёт нашего ответа, как капризный ребёнок, которому вот-вот должны дать все, что он пожелает. Не выдержав и секундной паузы, он поворачивается к нам спиной и свирепо зовёт кого-то по имени.

– Иннэс! – в ответ никто не откликается. – Иннэс, ну что ты там застряла?

Через несколько секунд из темноты появляется длинноногая блондинка в настолько сильно облегающем платье, что ткань вот-вот разойдётся по швам. Ее плечи закрывает воротник из соболя, приоткрывая лишь небольшую часть шеи с весомым колье из бриллиантов. При взгляде на неё первое, что бросается в глаза, это не лицо, а ее ресницы, лежащие тройным слоем поверх своих, настоящих. Надеюсь, не стоит отмечать тот факт, что это явно не его жена. Ни одна уважающая себя женщина никогда не стала бы женой такого человека, как этот тип. Хотя меня в этом мире уже мало что удивляет. От одного представления, как его руки касаются ее коленок и скользят выше, начинает тошнить.

– Иннэс, детка, – он подзывает ее своим маленьким толстым пальчиком. – Возьми мне и моими друзьями фишек на 40 тысяч долларов.

Кивнув ему в ответ, девушка очень быстро разворачивается и почти бегом, цокая своими шпильками по мраморному полу, идёт выполнять приказ своего хозяина. Всего каких-то сорок тысяч, чтобы поиграть в покер. Ну что говорить, такие люди, как Филипп, умеют добиваться больших финансовых

успехов, компенсируя свой внешний вид и паршивый характер толстым кошельком.

– Скорее, дорогие мои, пойдёмте к столу, там нас уже заждались. – Быстрыми нелепыми шагами он направляется к столу.

Я не успеваю сделать и шага, Как Шон мягко касается моей руки с молчаливой просьбой приостановиться.

– Все, что я ему сказал про тебя – неправда. Я не такой человек, Камелия, – сделав небольшую паузу, он поднимает свои глаза на меня. – Филипп – мой партнёр, который, скажем так, имеет особый вес, влияющий на мои интересы и дальнейшее будущее моей компании. Мне приходится терпеть его выходки лишь потому, что я ещё не нашёл, как от него избавиться.

Делая акцент на последнем слове, он замолкает. А я продолжаю думать над смыслом этих слов. Что, если сам Томас Шон гораздо опаснее, чем я себе его представляла. Нужно пересмотреть свои взгляды и вести себя очень осторожно.

Я никогда не играла в покер с такими людьми и в таком месте. По всему телу возникает покалывание от бурлящей внутри тревожности. Мы сидим за круглым столом в полумраке сигаретного дыма. Нас приветствуют другие игроки, пришедшие раньше нас. К моему счастью, Шон никого не знает из присутствующих, поэтому мне не придётся испытывать чувство неловкости в момент их общения. Мне, как единственной девушке, выдаётся карточка дилера. А это зна-

чит, что я буду делать ставку последней.

Крупье раздаёт каждому игроку по две карты, делая это очень искусно, будто владеет картами с самого рождения. В игре всего пять игроков.

– Малый блайнд – сто долларов. Большой блайнд – двести долларов, – ровным тоном он озвучивает начальные ставки для входа в игру и выкладывает три закрытые карты в середине стола.

– Четыреста долларов, – Филипп, откладывая свои карты в сторону, со спокойствием удава повышает ставку. Его глаза блестят от азарта. Уголки губ приподнимаются в ожидании реакций других участников.

Тишина повисает в воздухе и длится всего несколько минут, пока остальные решают, стоит игра свеч или нет.

Сидящий слева от него игрок сбрасывает карты, явно понимая, что выбрал неправильный стол для удачной игры. Теперь настал мой черёд. Хотя я играю и не на свои деньги, я не собираюсь проигрывать все. На столе ещё не раскрыта ни одна карта, а в банке уже семьсот долларов. Но когда мне ещё выпадет шанс побывать в казино, играя в покер за чужие деньги?

– Коллирую, – одной рукой я отсчитываю фишки на четыреста долларов и выдвигаю их к середине стола.

Филипп, наблюдая за моими действиями, будто цербер, молча кивает, не отрывая от меня своих змеиных глаз. Он улыбаётся мне, но за всем этим читается вовсе не подлинная

радость. Та самая удочка для идеального кандидата. Крупье поочередно открывает одну за одной карты, лежащие на столе.

Король черви. Пять крести. Валет черви. Напряжение, растущее за столом, можно почувствовать кожей. Все игроки молча смотрят на раскрытые карты и обдумывают свои дальнейшие действия. Ещё не поздно уйти. Все сидящие за столом один за другим произносят «чек», не поднимая предыдущую ставку. За своей спиной я чувствую тяжёлый взгляд Томаса, который искренне переживает за меня. Ему известно, как играют здесь люди и кто способен на блеф. Именно поэтому его нервозность, хоть с виду и незаметная, касается моих плеч, будто напоминая, что это все по-настоящему, а не компьютерная игра, где я могу рисковать просто так. На моих руках туз и десятка черви. Пятьдесят два процента на то, что откроются именно те карты, которые мне нужны для победы. Обратного пути нет. Идеальное время, чтобы закинуть наживку.

– Тысяча долларов, – озвучиваю свою ставку.

Слышу, как смотрящие за этой игрой люди зашептались между собой. Нависающая над Филиппом спутница заметно напряглась, увидев во мне решительность продолжать игру. Он слегка поежился на стуле, делая это абсолютно нелепо, как будто у него и правда что-то зачесалось. Я абсолютно безэмоционально наблюдаю за реакциями людей. Мне удаётся скрывать свой страх и внутренний голос, кричащий во

все горло: «Ты что, совсем идиотка?». Я тщательно прячу любые эмоции, не давая возможности другим заметить их. Двое сидящих по левую руку от меня сбрасывают карты, не желая вписываться в подобную авантюру. Пускай и имея при себе достаточно денег, чтобы продолжить игру.

Победно, переходя на более серьезный тон, Филипп громко озвучивает свою позицию:

– Три тысячи долларов. – Он небрежно бросает фишки.

Что он сейчас чувствует? Азарт? Злость? Ему не все ли равно, кто выиграет, а кто проиграет? Тем временем в банке уже семь тысяч шестьсот долларов. Весомая сумма, которая тяжёлым грузом давит на мой мозг. Я понимала, на что иду. И мне чертовски необходимо понять, как мыслит этот человек. Блефует ли он? Или у него на руках действительно хорошие карты. Пятьдесят два процента. Ровно половина. Черта, разделяющая меня от провала или победы. Карты, лежащие лицевой стороной, обладают особым магнетизмом. От них зависит сейчас все.

– Коллирую. – Мой голос почти срывается на полуслове в момент, когда я тянусь к фишкам и отсчитываю положенную сумму.

Дрожь в руках вот-вот выльется наружу, и это будет молниеносное падение в пропасть с небоскреба. Дойдя до вершины, всегда больше падать. Но к подобному, к счастью для себя, я уже привыкла.

Крупье открывает четвёртую карту. Как только он касает-

ся ее, у меня сжимаются все внутренности. Это мгновение подобно торможению по скользкому льду, ведущему к обрыву. Секунды, тянущиеся вечность. Во мне просыпается желание поскорее все это закончить. Леденящий душу страх громко кричит, что это конец. Я долго смотрю на открытую карту. Король буби. Картинка расплывается перед глазами. Мои виски пульсируют с бешеной скоростью, разливая адреналин по кровеносной системе. Вот-вот я свалюсь со стула в холодном обмороке, не желая видеть последнюю карту. Двадцать шесть процентов. Шансов на мою победу все меньше. Это практически невозможно. С моим везением, мне нужно было сбросить свои карты ещё на втором круге. Филипп раскатисто смеётся, вызывая ещё больший интерес у наблюдающих за игрой. В зале никого не заражает его поведение, лишь одна фигура, стоящая у него за спиной, прерывисто посмеивается с ним в такт, поддерживая своего спутника. Она кладёт свои руки ему на плечи и что-то шепчет на ухо.

– Мистер, любые контакты во время игры со зрителями запрещены.

Филипп показывает жестом своей пассии, что ей пора замолчать. Его лицо уже не расплывается от смеха. Сейчас он смотрит на меня гораздо увереннее, чем кон назад.

– С тобой так забавно играть, Камелия, – восторженно восклицает он. – Я не на шутку повеселился. Давненько у нас не было таких гостей! Так редко кто-то остаётся со мной до конца. – Наигранно, изображая щенячью грусть, он мед-

ленно промокает салфеткой свой лоб, намокший от скопившегося пота. – Ты большая молодец. Пускай ты и играешь на мои же деньги, я разрешаю взять тебе половину из банка, как только закончится игра.

Мужчина поднимает бокал с виски вверх, обводя взглядом всех стоящих вокруг людей.

– За смелость этой девочки! – Он заливает себе в горло практически целый стакан алкоголя со льдом и делает свою ставку. – Ещё три тысячи долларов сверху. – Распластавшись на стуле, Филипп широко улыбается мне.

Мне настолько осточертело наблюдать за этим жалким мужчиной, что хочется поскорее выйти из его токсичного поля зрения. Меня сложно задеть таким поведением, но этот азарт во мне... пробивающийся из-под панциря, совершенно отбил желание выходить из игры так рано, особенно на самом интересном моменте. Три тысячи – слишком маленькая сумма от той, что в банке. Что стоит за этой небольшой ставкой? Сумма, которая как бы невзначай намекает на то, что он всего лишь хочет узнать, что будет дальше. Я поднимаю свои холодные глаза на Филиппа, не чувствуя абсолютно ничего. Мне плевать, что уже будет. Он прав, я здесь лишь для того, чтобы смешить публику, играя за его деньги. Тогда какого хрена мне не рискнуть всем?

– All in. – Выжигаю взглядом его пухлое лицо, ставшее пунцовым от большого количества алкоголя в крови.

Его рубашка от Стефано Риччи неряшливо расстегнута на

одну пуговицу и уже изрядно помялась. Уголки губ подрагивают. Мне кажется, ещё секунда, и он выскочит из-за стола и начнёт танцевать от радости. Нестабильное поведение Филиппа начинает меня утомлять. Я уверена, что он блефует. Тогда зачем этот спектакль одного актера?

В момент, когда решается его дальнейший шаг, он делает то, что я ожидала от него больше всего. Ставит все и раскрывает свои карты. Кидая их нервно, он доказывает мне, что ему есть, что показать. Теперь я вижу, ради чего он готов идти на риск. У него на руках два короля. Лед под моими ногами начинает трескаться. Я знаю, что он чувствует. Приторно-сладкий вкус победы. Одержимость. Жажду внимания. Всеобщее признание. Мы зашли слишком далеко, чтобы отступить. Наживка проглочена. Ставки сделаны. Решающий момент. Крупье молниеносно открывает последнюю карту, не дав мне возможности посмаковать этот миг, насладиться им. Червовая дама. Обволакивающая тишина, замыкающая круг вокруг стола, позволяет услышать шум в ушах. У меня было двадцать шесть процентов на то, что выпадет именно она. Я начинаю открывать свои карты по очереди. Десять черви. Туз черви. Время в этот момент останавливается. Стрит с примесью флеша, который бьет насмерть его карэ из четырёх королей. Кто-то в толпе еле слышно присвистнул, явно понимая, какие будут последствия такого неожиданного расклада. Но ты спокойно примешь любой исход событий, если будешь готов к худшему и лучшему одновременно.

Шон кладёт руки мне на плечи и нежно сжимает их. Медленно выскальзываю из-под его чувственной поддержки и направляюсь к человеку, сидящему напротив меня. Я не слышу ничего, что мне говорят подходящие ко мне люди. Оказавшись рядом с Филиппом, я присаживаюсь на край стула и смотрю прямо ему в глаза.

– Я не на шутку повеселилась, и правда. Этой игрой ты подарил мне такую уверенность в себе! – Играя на его нервах, я изображаю великую благодарность. – За тебя, Филипп! – Выпиваю залпом свой коктейль и с шумом ставлю его на стол. Он тяжело дышит, но молчит. – Деньги мне твои не нужны, – окинув взглядом стоящую позади него девушку, я продолжаю, – купи лучше своей пассивности еще одну шубу из жестоко убитого ради этого зверя.

Она в ответ возмущённо охает и смотрит на него с просьбой ответить мне хоть что-нибудь. Филипп молча слушает меня, сжимая мокрую салфетку в своих руках. Сосуды на его лице лопаются от невысказанной агрессии в мою сторону. Он облажался и прекрасно это осознаёт. Его обыграла какая-то девка с улицы. Жалкое зрелище.

В момент, когда его нервные импульсы добрались до самого центра мозга, он начинает визжать, чтобы я убиралась отсюда как можно быстрее. Но его слова, будто вакуум, отзываются позади меня. Все мое внимание уже давно обращено на несколько человек, идущих по направлению к чёрной массивной двери в конце зала, окружённых по обе сто-

роны своими солдатами. Меня прошибает током от знакомого чувства отвращения и ужаса, заполняющего каждый сантиметр тела до краев. Они здесь. Все в том же чёрном облици, как и десять лет назад. Встав из-за стола, я поворачиваю голову в сторону Шона, который беседует с кем-то из гостей. Это мой шанс ускользнуть отсюда, пока меня никто не замечает.

Глава 2

Я бегу по узкому коридору, не заглядывая в лица людей, стоящих по обе стороны от меня. Проверяю на стене схему плана эвакуации и пытаюсь понять, в какой части здания сейчас нахожусь. За поворотом меня ждёт большая железная дверь с табличкой «Для персонала». Просто так туда не попасть. Нужен четырёхзначный код.

Засаекаю ещё три минуты и жду, когда нужный человек откроет мне дверь. Да, в моем случае деньги тоже решают многое. Только, к сожалению, не мои честно заработанные, а когда-то принадлежащие моему отцу. После его убийства я осознала, что совсем его не знала. Будучи пятнадцатилетним подростком, я не могла поверить, что мой отец был частью семьи «Бокка Ди Леоне». Частью сборища убийц, торговцев оружием, наркотиками, женщинами. Частью группировки, не знающей жалости к людям, которые не согласны жить по их правилам. Только спустя несколько лет, когда я окончательно окрепла, я смогла дотронуться до этой ситуации, переступая через свои страхи, безумную боль, горечь, и найти достаточно доказательств причастности отца к ним. Но я никогда не поверю, что папа был таким же, как и они. За несколько лет поисков любой информации мне удалось узнать, что отец сотрудничал с ФБР и предоставлял им все сведения о деятельности семьи. Мне хочется верить, что у

него была особая миссия, во благо мира и добра, а не иначе.

Еще при жизни папа завещал мне ячейку в банке, где хранится пятьсот тысяч долларов. Какую-то часть из них я уже пожертвовала в неблагополучные семьи и нуждающимся в медицинской помощи, а также приютам для животных. Конечно, это все равно не улучшит мою карму, но, надеюсь, поможет выжить другим. В моем списке также есть и другая часть трат. И именно поэтому я здесь.

Наконец дверь с щелчком открывается.

– Быстрее, заходи сюда, – с виду очень молодой парень зовёт меня пройти внутрь. Он закрывает дверь за мной и нажимает на значок блокировки. – Вот карта. Приложишь, когда будешь выходить. Только не здесь, там, с другой стороны, вон за той дверью, – словно проводя инструктаж новичку, он показывает на выход.

– Это твои вещи. – Парень протягивает мне стопку чистой униформы для работников отеля. – И ещё, – он продолжает быстро, но нерешительно говорить. – Кнопка пожарной тревоги – в том зале, находится в третьем углу по часовой стрелке от входа.

Парень бегло посмотрел на меня, и я увидела в его глазах замешательство: с одной стороны, он будто рад, что помогает мне за хорошие деньги, а с другой, напротив, боится ужасающих последствий.

– Удачи тебе, – бросает он мне на прощание.

Я не успеваю сказать и слова ему в ответ, как незнакомец,

который только что дал мне в руки оружие, испаряется.

Завязываю аккуратный низкий пучок из волос и надеваю чёрную маску, скрывающую половину моего лица. В этой одежде я чувствую себя не менее уверенно, чем в платье с открытым декольте. Запускаю пальцы в свою сумочку и нащупываю небольшой флакон с духами. Вот бы охрана, пускающая меня в этот отель, узнала, что за жидкость там на самом деле. Теперь я полностью во всеоружии. Снова сверяю часы. Мой выход.

Двигаюсь медленно, как подобает персоналу, по всему залу. Хватая по пути поднос с дорогим шампанским, старательно слежу за дверью VIP-зала, которая ещё ни разу не открывалась. Обновляю бокалы с игристым вином и обслуживаю гостей на высшем уровне. Три месяца я обучалась этому искусству у опытных официантов, работающих в отелях.

Вдруг краем глаза замечаю, что нужная мне дверь открыта нараспашку. Пытаюсь понять, кто вышел оттуда. Пристально наблюдаю за мужчинами в смокингах, идущими по направлению к выходу. Это не охрана. Возможно, партнёры. Или враги. Они легко могли позвать сюда тех, кого ненавидят. Держи друзей близко, а врагов ещё ближе. Тем более, что игра в покер как никогда сближает. Ну, или заканчивается тем, что у кого-то остаётся пуля в башке. Ничего страшного. Они сделают так, будто этого человека и вовсе не существовало на земле. Разве что об этом будут знать его жена и дети. Если только они и от них не избавятся, как от ненужного

балласта, сжигая дотла весь твой мир и танцуя со смехом на костях и крови твоих родных, любящих тебя, оберегающих от всего плохого.

Я стою на одном месте и не могу пошевелиться от вновь прожитых эмоций из прошлого. Небольшой тремор рук, сохранившийся с того дня, напоминает мне о времени, когда моя жизнь в один миг превратилась в ад. Я делаю глубокий вдох и выдох, чтобы не соблазнять смотрящую в мою сторону паническую атаку, и достаю из нагрудного кармана свой маленький флакон. Я пойду до конца, чего бы мне это ни стоило. Долго всматриваюсь в стакан виски, в котором растворяется перламутровая жидкость, медленно падающая на дно.

Расстояние до нужной мне двери с каждым пройденным шагом отдаляется, сужая пространство коридора до одной тонкой линии, в конце которой я вижу маленькое чёрное пятно. Стены по обе стороны душат меня, лишая кислорода. Я чувствую себя героиней какого-то психоделического фильма. Мне необходимо собраться и вернуться в реальность. Руки дрожат, хоть и внутри я чувствую себя абсолютно спокойно, проговаривая все то, что давно хотела сказать напоследок жестоким ублюдкам, которые, смотря в детские глаза, приказали убить. У меня нет ни капли сожаления о том, что я собираюсь сделать. Тогда, сидя в подвале и задыхаясь от угарного газа, я пообещала себе, что больше никогда не буду убегать. Я всегда буду смотреть в глаза своим

страхам и боли, чтобы ничто и никогда не смогло меня разрушить.

Меня учили, что месть – удел слабых людей, не умеющих прощать и идти дальше. Но в моем случае это заставило меня жить, подарило второй день рождения. Многие люди проводят с чувством несправедливости и обиды всю свою жизнь, отравляя себя этим свинцовым ядом и делая вид, что для них все это далеко в прошлом. Но не думаю, что смогу позволить себе признать это и похоронить в себе. Эта боль никогда не пройдет, она всегда будет напоминать о себе. И если есть кто-то, кто решил, что может распоряжаться жизнью других людей, решать их судьбы, убивая отцов, матерей, лишая их детей полноценной счастливой жизни, – он должен быть наказан за это по справедливости, а не продолжать жить с осознанием того, что весь мир в его руках. Прошло десять лет, и количество смертей на их счету увеличилось в сотни раз. Полиция закрывает глаза на это и отмахивается отговорками, что у них недостаточно доказательств. Если Бог и есть, то почему спустя столько лет они продолжают жить и творить все эти ужасные вещи? Мне остаётся полагаться только на себя и верить в свои принципы, а не в судьбу, карму, бу- меранг, что там ещё?

Мои ноги сами несут меня в нужном направлении. Я просто знаю, что должна это сделать. Наводящая ужас репутация «Бокка Ди Леоне» строится на желании убирать всех, кто встаёт у них на пути. Они лишили жизни множество та-

ких же, как и я, подростков... взамен на что? На укрепление своей власти, всеобщее подчинение, на страх в глазах невинных людей, на слёзы детей, видящих смерть своими глазами. Их организация цветёт на почве насилия. Вот и все, ради чего они живут. И я здесь для того, чтобы это прекратилось.

Остановившись возле массивной двери, тянусь одной рукой в карман за карточкой. Сердце стучит так громко, что не слышно ничего вокруг. Я не сразу замечаю, как тяжесть в руке исчезает. Мельком посмотрев на свою руку, где должен быть поднос, я его не вижу и резко оборачиваюсь назад. За моей спиной стоят два высоких мужчины в смокингах без единой эмоции на лице, будто роботы-солдаты, не умеющие говорить, но умеющие слушать чужие приказы. Делаю несколько шагов назад и упираюсь спиной в дверь. Бежать некуда. Но и сдаваться я не собираюсь. Кидаю взгляд на тёмный коридор за их спинами, но не успеваю даже дернуться. Мужчины приближаются ко мне и хватают по обе стороны под руки жесткой хваткой. Стараюсь вырваться из оков этих бездушных, до невозможности сильных булыжников, но тратю все силы на третьей попытке.

Я следила за этой дверью весь чертов вечер, проверяла всех людей, кто входил и выходил оттуда, но эти лица мне не знакомы. В руках этих амбалов я чувствую себя пушинкой, пока мои ноги болтаются в невесомости в нескольких сантиметрах от пола. Мы приближаемся к двери, от которой ве-

ет холодом, как на кладбище. Во мне бурлит ощущение, что там меня ждёт нечто ужасное. Все мое нутро сопротивляется заходить внутрь. Я выгибаюсь всем телом, кричу и дергаю руками в попытках освободиться. От бессилия и безысходности во мне закипает неистовая злость.

– Уберите свои чертовы руки! – Я пинаюсь ногами, но делаю только хуже самой себе.

Пальцы этих роботов сжимаются настолько сильно, что я непроизвольно жмурюсь от боли. Не выдержав моих истерик, один из солдат тихонько стучит в дверь, как будто боится лишний раз потревожить человека за стеной. В ответ я едва слышу низкий мужской голос с хрипотцой, который разрешает нам войти внутрь.

Чернота этой комнаты укутывает меня с головой. Все тело покрывается мелкой дрожью от ожидания будущего. В данном случае следовало бы успокоиться, но я брыкаюсь как дикое животное, угодившее в капкан.

– Пусти! – освобождаясь от крепкого хвата охранников, я кричу, срывая голосовые связки. Капелька пота стекает по моей шее, достигая краев рубашки, и растворяется в ней. С моего лица срывают маску и отпускают, толкая вглубь комнаты.

– Рико, Клейтон, вы свободны. Подождите за дверью, – мужской голос с нотками стали звучит спокойно, но в то же время очень твёрдо.

Он стоит лицом к окну, открывающему взор на зал кази-

но, откуда меня только что похитили. Чёрная рубашка плотно прилегает к его телу и подчеркивает налитые мышцы спины и рук. Высокий рост и широкие плечи создают образ властного, серьезного человека, умеющего давить не только словом, но и своими собственными руками. От его фигуры веет полнейшей самоуверенностью и необузданной силой, которая бурлит под его кожей с желанием вырваться наружу. Пока я наблюдаю за ним, мой инстинктивный страх сменяется неподдельным интересом.

Не получив никакой ответной реакции от него, осматриваю помещение, изучая каждую деталь. По правую сторону от меня находится стеллаж, полностью заставленный книгами. По левую сторону висят чучела животных (не удивлюсь, если они были убиты этим же человеком). Никогда не понимала, зачем люди это делают. Чувствовать в моменте себя сильнее хищника всего лишь потому, что в руках оружие? Я поднимаю глаза к потолку и вижу все пространство комнаты в отражении стекла, нависающего надо мной. Хороший способ наблюдать за всем происходящим в комнате свысока, не выдавая глазами в открытую своего любопытства. Большую часть кабинета занимает массивный стол из дуба, отполированный маслом, на котором настолько аккуратно разложены канцелярские принадлежности, будто человек страдает маниакальной формой шизофрении, не терпя любого рода беспорядок. Мужчина в чёрном прерывает мои любопытные наблюдения и поворачивает голову в мою сторону так, что

я вижу очертания его лица в профиль. Я рассматриваю его с интересом, сканируя каждую деталь, чтобы поймать сходство с образами из прошлого, но не нахожу. Выпуклый лоб, строгий, четко очерченный подбородок, грубая линия скул, выступающая на лице от напряжения. Его губы сжаты, а глаза, явно не желающие вести диалог, устремлены в стену. Его профиль красив, но ожесточён, и это завораживает, приковывает мое внимание.

– Если меня привели сюда помолчать наедине с незнакомцем, то мне достаточно, спасибо, – не выдерживая тишины, более спокойным тоном излагаю свои первые предположения с примесью язвительного налёта.

Мужчина продолжает стоять, не шевелясь и не реагируя на мои слова.

Оставив позади свои страхи и дрожь, щекочущую нервы, я делаю шаг к столу, чтобы сократить расстояние между нами до метра. Тянусь рукой к папке, лежащей поверх всех остальных, просто, чтобы занять себя хоть чем-то, лишь бы не быть в режиме ожидания ответа мистера Х. Стоило мне коснуться папки кончиками пальцев, мое запястье тут же обвивает горячая мужская ладонь и сжимает его. Вздрагиваю от неожиданности и резкости его движения и поднимаю глаза на его лицо. Образ из прошлого вспыхивает сразу же, как только я смотрю в бездну его пепельно-серых глаз. Я помню тех демонов, что смотрели на меня точно так же десять лет назад. В его чертах я узнаю парня, который был среди тех ублюдков,

убивших моего отца и прежнюю меня. Он был в моем доме. Он часть их семьи. Он такой же, как и они. На его застывшем лице виднеются желваки от сжатой до хруста челюсти. Он смотрит на меня изучающим, немного затуманенным взглядом, не моргая и не дыша. Я чувствую жар, исходящий от его массивного тела. В котле моих эмоций закипает коктейль из агонии, злости, ярости и смятения. Мы оба застыли на месте и не можем пошевелиться от непонимания произошедшего. Его рука слабеет, и я медленно, находясь в абсолютном шоке, опускаю ее вниз, не зная, что теперь будет со мной.

– Ты... – В моем горле пересохло именно в тот момент, когда хочется сказать так много всего.

Я хватаюсь руками за шею, пытаюсь восстановить дыхание и освободиться от удушливых, раздражающих чувств, растворяющих мой холодный разум в кислоте. Мужчина делает шаг ближе ко мне, но я останавливаю его своей рукой, не желая, чтобы он приближался. Двигаясь назад, спотыкаюсь о диван и, теряя равновесие, падаю на сидение. Через пелену своего искаженного шоком сознания я слышу, как мужчина обращается к кому-то:

– Рико, принесите воды и горячий чай с лимоном, – жёстким, надменным голосом мужчина чеканит приказ абоненту на том конце трубки. Он, в отличие от меня, остаётся сдержанным, виртуозно владея каждой своей эмоцией.

Этот мужчина – дьявол, путающий меня в собственных чувствах и заставляющий испытывать боль из прошлого в

стократном размере. В этот миг внутри меня что-то ломается. Я теряю нить своего плана и путаюсь в ситуации. Мой детский мозг запомнил этого человека не как убийцу, а как спасителя, потому что только благодаря ему я осталась жива. Но в то же время понимаю, что он отпускал меня тогда не затем, чтобы я спаслась. Да, я чудом выбралась из горящего дома через вентиляцию, до которой карабкалась по стене, сдирая в кровь свои ногти и задыхаясь от тяжелого густого дыма. Но он не знал, что я выживу. Он отпускал меня от себя... А не от бандитов.

В комнату заходят те двое, что притащили меня сюда. Поставив на кофейный столик чай и воду, мужчины молча направляются в сторону двери, шагая вдвоём с одинаковой ноги, почти строевым шагом. Мистер X обходит стол и, вальяжно облокачиваясь на него, кладёт ногу на ногу, пристально смотря мне в глаза.

– Ну, и каков твой план? – Он закуривает сигару, выпуская клубы дыма, заполняющие пространство серым крепким смогом.

– У меня его нет, – резко бросаюсь в него ответом.

– Выпьешь со мной? – Мужчина берет с подноса отравленный мной виски и протягивает напиток мне.

– Я не пью крепкий алкоголь, – выжигая его взглядом, я понижаю свой голос, чтобы не дать ему ни единой возможности вывести меня из и без того расшатанного состояния.

– Видимо, жизнь тебя ничему не научила. – Шумно выды-

хая, мужчина подходит к шкафу, где располагается бутылка с виски, и откупоривает ее. Он наливает в стакан чистый неразбавленный напиток и делает глоток. Его движения медленные, уверенные, демонстрирующие власть и силу в одном флаконе. И это не похоже на маску, чувствую, что он именно тот, кто он сейчас.

– Не научила жизнь? – яростно шиплю ему в ответ. – Чему она должна была меня научить? – вопросительно вскидываю бровь. – Что вы, сборище диких, озверевших ублюдков, можете брать чужое, когда захочется, и убивать просто так? Так это я усвоила ещё тогда, в свои пятнадцать. Научилась ли я жить с этим? – кидаю едкий взгляд в его сторону. – Нет!

Психанув, я поднимаюсь с дивана, чтобы начать разговаривать с ним на равных. Но с моим ростом он все равно продолжает решительно смотреть на меня сверху вниз.

– Не ты мне будешь говорить о том, чему я должна научиться, ясно? – тычу в него пальцем в области сердца. Дерзко, не дрогнув от страха.

Мужчина продолжает слушать, впиваясь в меня своими чёрными зрачками с пылающим огнём. Меня несёт поток оголенной ярости, в которой я скоро захлебнусь. Все, что копила так много лет, вырвалось наружу и, словно цунами, захлестывает сознание. В моих глазах застыли слёзы, которые хочется выплакать со всеми словами, сказанными в ответ человеку, причастному к моей жгучей, вновь кровоточащей боли.

– Я никогда не прощу того, что вы сделали, – почти шёпотом произношу я. – Никогда, – качая головой, замолкаю, не в силах больше сказать и слова. Сейчас меня пугает лишь одно: почему меня все ещё не убили?

– Не забирай я тебя оттуда, сейчас бы твоё тело выносили в чёрном мешке, – нарушив тяжелую тишину, он продолжает давить меня своими вопросами, невзирая на мою предыдущую реакцию. – Это тоже было частью твоего плана, Камелия?

Его хлесткие слова вновь бьют по лицу, задевая прошлые раны. Мужчина наклоняет голову, рассматривая меня, как необычное явление, и ждёт моего ответа. Я поднимаю свои стеклянные глаза из-под длинных ресниц и смотрю на него с презирающим холодом, который трескается под стальным взглядом этого мужчины.

– Тебе стоит усвоить полученный урок, Ли, – он произносит эти слова шёпотом, искусно меняя свой тон на более мягкий, ласкающий уши.

Я чувствую непреодолимое желание сделать шаг назад и разорвать наэлектризованное поле между нами. Его внутренняя сила ослепляет и лишает разума, а мне необходимо собраться и думать о том, как поскорее убраться отсюда. Будто прочитав мысли, мужчина прерывает наш зрительный контакт и удаляется вглубь комнаты.

– Прежде чем ты соберёшься уйти отсюда, я хочу, чтобы ты выслушала меня.

– Не... – не дав мне договорить, он бьет ладонью по столу и поднимает свои холодные глаза на меня.

– Когда я говорю – не стоит перебивать меня, Камелия. – В ровном тоне его голоса я слышу угрожающие нотки. – У тебя было достаточно времени высказаться. – Мужчина делает ещё один глоток Чиваса и складывает руки в деловую позу. – Я предлагаю тебе на выбор два варианта развития сюжета. Выберешь сама, какой нравится больше, – поднимая правую руку вверх, он загибает указательный палец. – Первый ты и сама знаешь. Но я все же тебе его озвучу, для усвоения информации. Ранее я уже описывал тебе исход того, что с тобой будет в следующий раз при попытке убить кого-то из семьи «Бокка Ди Леоне», – постукивая пальцем по столу, он медленно вливает в меня то, что мое подсознание всячески отвергает. – И это не мое предположение, Ли, – делая акцент на моем имени, он вбирается мне под кожу, заставляя глубже вникать в смысл его слов. – Двигаясь в одиночку, без защиты и связей, у тебя все шансы на провал. Рано или поздно ты все же допустишь ошибку. И как только это случится, – немного помедлив, он продолжает говорить, – окажешься в лапах, как ты и сказала, диких, озверевших ублюдков, не желающих верить твоим слезкам и душещипательным историям из детства. Их задача – убирать с пути все, что мешает им красиво жить. А ты, как я понимаю, собираешься это делать. Мешать им жить, как заноза в заднице. Пускай и очень красивая заноза, – он едва сдерживает усмешку, оголяя свой животный

оскал. Но есть и второй вариант, который я тебе настоятельно рекомендую, если ты все-таки рассматриваешь возможность остаться в живых, – окинув меня хищным взглядом, он подается вперед. – Предлагаю тебе работать со мной.

Во мне начинает бушевать волна парализующего сомнения.

– Я помогу тебе, – продолжает он, – предоставив нужную и интересующую тебя информацию, но, – демонстративно он замолкает, разжигая во мне ещё большую волну негодования, – только при одном условии: ты не будешь хитрить и пытаться действовать за моей спиной. Все свои решения обсуждаешь со мной, и мы вместе рисуем план действий. Если все так, то со своей стороны я гарантирую тебе прочную безопасность.

– Может, объяснишь мне это все? – проигнорировав его искусную речь, я скрещиваю руки на груди и с недоверием смотрю на него. – Мне известно, как заканчивают люди, сливающие информацию о семье. Отец придерживался такого же плана, пока вы не пришли к нам домой.

– Твой отец не был тайным агентом, которого прикрывают со всех сторон профессиональные бойцы.

После его слов в воздухе повисла тяжёлая тишина. И пока я переваривала все сказанное им, мужчина без колебаний продолжил говорить:

– Он намеревался двигаться самостоятельным путём, не думая о последствиях.

– Вот интересно... – прикусывая до крови щеку изнутри, я еле сдерживаюсь от нарастающего раздражения. – А ты узнал про это до того, как вы подожгли дом, или уже после?

– Поджог никто не мог предугадать, Ли. Мои люди вели это расследование после и включили этот случай в список преступлений семьи Бокка. Несколько улик удалось сохранить, чтобы доказать их причастность. Но тела было невозможно распознать. Все было сожжено настолько сильно, что наши криминалисты и медицинские эксперты не смогли сопоставить частички кожи с личностью. Именно поэтому мы думали, что ты умерла.

В его глазах я читаю что-то похожее на смятение. Медленно наблюдаю, как он смачивает горло терпким виски и не смотрит мне глаза.

– Ну и какая роль будет отведена мне в этой операции?

– Будешь работать под прикрытием. В список твоих обязанностей не будут входить встречи с синдикатом. Они могут легко узнать тебя.

– Мне не интересен подобный расклад событий.

– Тогда мне больше нечего тебе предложить, Камелия, – ровным беспристрастным тоном произносит он.

Пальцами я впиваюсь в кожаный подлокотник дивана, оставляя вмятины от ногтей.

– У тебя есть несколько дней обдумать мое предложение, – посмотрев на часы, мужчина складывает бумаги со стола в свой кожаный портфель. – Сейчас уже поздно, мне

предстоит еще одна встреча, – достав из портмоне визитку из платины, он протягивает ее мне. – Мой номер телефона. Как только определишься со своим решением – звони, – встав из-за стола, мужчина поворачивает голову в мою сторону. – Можешь называть меня Гризли. Аарон Гризли.

Глава 3

*Когда-то люди думали, что
когда кто-то умирает,
его душу в страну мертвых уносит ворон.
Но иногда... лишь иногда...
Ворон приносит эту душу обратно,
чтобы восстановить порядок вещей.
Фильм «Ворон»*

Аарон

Железные ворота, открывающие путь к загородному особняку в готическом стиле, медленно распахиваются. На часах три ночи, а мой телефон до сих пор разрывается от звонков, тем самым вызывая ещё большее желание нажать на кнопку отключения.

В автомобиле на выдвижном дисплее включён новостной канал. «Сегодня в одном из Пабов на Седьмой авеню прозвучали звуки выстрелов. В результате стрельбы были убиты двое мужчин: двадцатисемилетний Фитцджеральд Диворро и тридцатилетний Амелио Рунно. По предварительным данным, оба принадлежали к одной из самых опасных криминальных семей мафии Нью-Йорка. Полицейские пока не могут дать точной информации о причастных к убийству. По-

иски улики по этому делу продолжают. Ситуацию прокомментировал сам Мэр города: «На улицах творится сплошной хаос, несущий в себе огромную угрозу для мирных жителей Нью-Йорка. Мы направим все свои силы на то, чтобы немедленно это прекратить. Причастные к убийствам будут наказаны по всей строгости закона, без возможности обжалования приговора». Выключаю монитор, не желая больше слушать, как журналисты и копы, вечно сующие свои носы в любую дырку, расследуют это дело. Продажные, лживые, ненастоящие. Для меня уже не ново, что через день они забудут напрочь об этом деле.

Сквозь темное стекло бронированного окна я вижу, что свет горит на каждом этаже здания, а возле входа припарковано гораздо больше машин, чем обычно. Для меня это означает лишь одно: сегодняшняя ситуация не оставила никого из семьи равнодушным. Тягучая волна раздражения растёт во мне пропорционально каждому метру, приближающему меня к дому. Помимо сегодняшней ситуации в Пабе могла добавиться еще одна, где бы пострадала до невозможности наивная лиса. Хотела меня убить? Издаю лёгкий смешок в воздух и потираю руками свои пульсирующие виски. За такое мне было бы не сложно вернуться из ада за ней и забрать с собой. Боюсь только, что и там она бы нашла способ запудрить мозги дьяволу и сбежать обратно.

Мои ребята в очередной раз отлично выполнили задание, не засветившись и убрав нужных, самых отбитых волков из

стаи. Амелио и Фитцджеральд перешли все границы дозволенного. И мои границы терпения. Массовая, приносящая огромные доходы торговля оружием и наркотиками напрочь развязала им руки и прибавила смелости, чтобы начать торговать ещё детьми и женщинами. Четырнадцатилетних девочек переправляли через океан в Колумбию на нелегальные и в то же время не добровольные заработки. Начиная от работ по дому и заканчивая гораздо более мерзкими, низкими вещами. Я понимаю: всеобъемлющая власть застилает глаза. Но допустить расцветание подобного рода бизнеса – выше моих сил.

Мы не связаны напрямую с полицией города и тем более не отчитываемся перед ней. Наша миссия – внедрение и зачистка синдикатов мафии без следов и следствия. Мы сами решаем, кого нужно убрать, а кого посадить на пожизненный срок. Каждый должен быть готов отвечать за свои действия и выбранную жизнь. Высшие чины иерархии давно приговорены к смертной казни вне закона, поскольку их нахождение в тюрьме только облегчило бы им жизнь.

Наша организация С. Н. О. не занимается одноразовыми преступлениями. Разве что в крайних случаях, когда дело касается безопасности страны. После войны в Ираке я сразу же получил спецзадание от главы С. Н. О. – внедриться в семью мафии и досконально изучить внутренности группировки. Мне была предоставлена возможность собрать лучшую команду, которой я могу доверять, как себе. Я был од-

ним из немногих, кого война не сломила. Лишь ожесточила пыл и сделала неуязвимым. Умирающие на руках друзья и оглушающие взрывы лишают многих бойцов самого главного – контроля и холодного разума. Тех, кто шёл со мной рука об руку на протяжении двух лет, не потеряв себя, я взял с собой. Мне нужны были люди, умеющие контролировать ситуацию даже в самые непредсказуемые моменты. Разведчики, добывающие любые сведения о противнике и знающие несколько языков в совершенстве, военные программисты, умеющие взламывать любые цифровые системы за считанные секунды, превосходные стрелки, попадающие прямо в цель, независимо от расстояния до объекта. Все эти люди стоят за моей спиной и прикрывают мой тыл, пока я нахожусь в самом ядре.

Изначально наш план был расписан на три года, после чего дело предполагалось закрыть и отложить в чёрный ящик с пометкой «выполнено». Но оказавшись внутри, я понял, что трёх лет будет недостаточно. Все оказалось куда сложнее. Бесчисленное прибавление отраслей разного рода бизнеса лишь укрепляло власть боссов и делало их мощнее. Реструктурирование компаний повлияло всецело на характер ведения дел и позволило им засунуть свои клешни и в легальный бизнес. Строительство, политика, суды, медицина, полиция – все находится под их строжайшим контролем. Для таких людей не писаны законы, разве что в Библии. Хотя все мы понимаем, что там, где есть грязь, Богу не место.

Я застал момент, когда несколько семей, воюющих между собой, почувствовав запах опасности за своими спинами, пожали друг другу руки и начали работать вместе. Но, несмотря на это, между ними всегда будет протянута нить, как леска, которая при ошибке той или другой стороны может обрваться. И это повлечёт за собой большие проблемы. Жесточайшую войну, пропитанную кровью.

За десять лет работы с синдикатом мне удалось стать своим и занять высокое положение в иерархии. Не то, чтобы я не мог сделать этого и раньше. На то были свои причины. Я не собирался становиться советником босса. А именно его правой рукой. Но спустя семь лет мои приоритеты поменялись. Для меня было важно крепко держать бразды правления в своих руках. Оказывать большое влияние на таких людей и подчинять их своим правилам игры. В конечном итоге я стал важной фигурой в криминальном мире. «Своим парнем», за которым следуют несколько десятков человек. Они доверяют мне, как себе, не зная и даже не догадываясь, кто я на самом деле такой и зачем я здесь.

Нескольким членам семьи нет и семнадцати лет. Но в свой юный возраст эти ребята успели нажать себе «достойную» репутацию среди других, убив несколько человек по приказу старших чинов. Так устроен мир по ту сторону закона: «Убей или будь убит». Дети, растущие под влиянием жестокой, агрессивной власти отцов, не знающих жалости, будто заранее обречены на провал. Но действительно ли они обя-

заны быть такими же, как их отцы? Наша жизнь – это череда событий, складывающихся из каждодневного выбора. Все, абсолютно все строим мы сами. Может быть, кто-то в оправдание их поступков скажет, что дети не виноваты в том, что их родители – жестокие убийцы или террористы. Но это лишь снятие ответственности с себя за свои действия, характер, волю. Эти парни так и не научились делать самостоятельный выбор: кем же им быть в этом мире. Их кровь с малых лет глубоко заражена, без шанса на спасение.

Я вдыхаю холодный сентябрьский воздух из приоткрытого окна, который заполняет все пространство машины и охлаждает кожу. Мне пора бы настроиться на разговор о сегодняшнем убийстве, но в голове совершенно иные мысли. Я довольно часто физически присутствую при операциях по устранению, чтобы контролировать ситуацию вживую, хотя и так знаю, что все пройдет гладко. Но именно сегодня черт меня дернул приехать в Ритц и забрать нужные для работы документы. Я был там всего час, но за это время на моих глазах развернулась интересная ситуация. Я ожидал увидеть кого угодно, но не ее.

Когда мои люди сообщили, что в VIP-зале присутствует девушка, не числящаяся в списке работников, я решил, что это очередная пассия в форме официантки, жаждущая заставить меня врасплох, нелепо играя свою роль. Повторюсь, я ждал кого угодно, но не ее. Следующим, что я услышал в свой микронаушник, было то, что девушка направляется во-

все не ко мне, а в самое пекло синдиката. До сегодняшнего дня никто не обслуживал семью вне закрытой комнаты. Там всегда есть свой бар и человек, работающий на них. На постоянной основе. Это меня и заставило приказать своим людям прервать ее «прекрасную» идею и привести ко мне. Когда я увидел, кто стоит передо мной, ненароком подумал, что свихнулся. И долго всматриваясь в ее глаза, не мог поверить в происходящее.

Я похоронил Камелию ещё десять лет назад. С того самого дня я помнил в мельчайших деталях все. Ее раскосые, карамельного цвета, испуганные до ужаса глаза. Смуглое лицо с правильными чертами. Копну темных длинных волос и пухлые, искусанные в кровь губы. Сейчас же передо мной стояла бестия, в глазах которой горел огонь из ярости и смелости. Приподнятая голова, уверенная поза и тело... Все ее изгибы говорили мне о том, что она занимается собой до седьмого пота и готова броситься на меня, защищая свою жизнь. Всем своим животным нутром я чувствовал, что эта девочка не боится меня. Хотя ей стоило бы. Если бы не я, ее бы сожрали заживо вместе с костями. И все же мне интересно, как она собиралась выйти оттуда живой. Обязательно вытрясу из неё подробности того вечера, когда придёт время. Силой, если потребуется. Ее планы могут встать поперёк горла мне и сорвать следующие операции. Так что ручки этой девочки должны быть связаны, пока я не закончу дела до конца.

Я собираюсь помочь ей, потому что должен. Не хочу по-

вторять ошибок прошлого. Тогда, будучи совсем молодым, я был поражён жестокостью этих людей, хотя в своё время на войне повидал немало. Но я не мог рисковать и поставить под удар моих людей и всю операцию в целом. На кону была не только моя жизнь. Это были первые полгода работы по внедрению. Все, что мог сделать для неё тогда – это отпустить и дать возможность спрятаться. Я бросил все силы на расследование этого дела позднее, как только смог. Часть дома сгорела дотла. Мои люди тщательно просматривали обломки и досконально изучали все отпечатки и частицы кожи, которые удалось сохранить. Подвала и вовсе не стало. Из-за высоких градусов дом обвалился, придавив всем своим весом складское помещение, где была Камелия. Именно поэтому я был уверен, что она не выжила.

Пока думал обо всех событиях этого дня, не заметил, как пересёк весь особняк и добрался до нужного мне кабинета. В коридоре слышны оживленные разговоры, и мне не нужно даже прислушиваться, чтобы понять, о чем они говорят.

К моему приходу все уже собрались в просторной гостиной и ждали от меня новостей. Вместе с моим появлением стихли все голоса в комнате. Тяжелыми шагами я прохожу через весь кабинет и небрежно бросаю пальто на край кожаного дивана. Обойдя массивный письменный стол, встаю так, чтобы можно было увидеть всех.

– Второе происшествие за месяц, привлекающее внимание легавых, – не трата время на приветствие, я оглядываю всех

стальным, с примесью равнодушия, взглядом. – Четыре человека гниют в могиле, а мы до сих пор не можем отыскать тех, кто это сделал, – медленно пройдясь по комнате, я подхожу к стеклянному бару и достаю оттуда бутылку рома.

– Дино, – метнув взгляд на сидящего поодаль от меня парня, задаю ему вопрос в лоб, – бар принадлежит тебе. Постарайся мне доходчиво объяснить, почему в данный момент со стен твоего бара легавые отскребают мозги Амелио и Фитцджеральда? – Со спокойствием льва я откупориваю крышку и наливаю себе порцию алкоголя. Самый младший из братьев, услышав мой вопрос, подорвался с кресла и нервно начал расхаживать по комнате.

– Я убью этих гнид, Гризли. Собственноручно. Как только найду их, – чеканя каждое слово, он выплёвывает свою агрессию в пространство комнаты и, не скрывая своего нервного напряжения, стучит одной ногой по полу.

Золотистые кудри, доставшиеся ему от русской матери, падают на влажный от пота лоб. Крупные черты лица придают ему благородный вид до того момента, пока он не открывает свой рот. Полный диссонанс внешности и характера человека. Его иррациональное бешенство только усугубляет ситуацию, добавляя ненужного шума и напыщенности там, где этому не место. – Эти ублюдки поплатятся за все то, что сделали с нашими братьями, – он прерывисто дышит, краснея под напором собственных эмоций.

Дино – единственный ребёнок, который не признаёт лю-

бую другую власть, кроме своего отца. Не подчиняется правилам семьи, где требуется разрешение босса на какое-либо действие. Этот парень – самая большая заноза в заднице у полиции Нью-Йорка. Ему восемнадцать, но его руки уже по локоть в крови. Максимализм с налетом одержимости делают его неуправляемым, капризы докучают всем в доме, но никто и никогда не может утихомирить его в полной мере. Дино – долгожданный ребёнок, посему и самый любимый. Он это прекрасно знает и пользуется этим при любом удобном и неудобном случае.

– Да, Дино, – выслушав его высокопарную речь, я киваю головой, соглашаясь с ним. – Но ты так и не ответил на мой вопрос. Почему. Это. Произошло? – Достаяю из хьюмидора сигару и поджигаю ее. Лишь усмехнувшись над моим вопросом, Дино падает обратно в кресло и запрокидывает голову к потолку.

– Гребаные, мать вашу, ублюдки, – выдыхая слова в потолок, он замолкает, вновь игнорируя мой вопрос.

– Гризли, ты же знаешь, что наша пропускная система работает идеально, – спокойным тоном один из родных братьев Дино включается в наш диалог. – Мы не знаем, кто эти люди и как им удалось попасть туда. – Желая разрядить напряжённую ситуацию, Антонио берет на себя полноценную роль старшего брата, бесстрастно и вдумчиво решая вопросы, напрямую не связанные с ним.

Этот парень – полная противоположность Дино. Самый

тихий и рассудительный юноша. Своими мыслями он не раз влиял на принятие правильных решений в семье. Один из немногих, кто нравится мне характером и мудростью, озаряющей его в самых накалённых ситуациях. Прозвище Тони в полной мере описывает его без лишних слов – дипломат. Он обладает необычайной мощностью влияния на других братьев с помощью метода аргументации и сопоставления факторов, влияющих на будущее семьи. Его спокойствие и холодный расчёт умирляют пыл других братьев, в основном Дино, желающего убивать всех, кто стоит на его пути. Чистый ум и благомыслие Антонио импонируют мне, и я позволяю себе думать, что на этом парне пока что можно не ставить крест.

– Работающий персонал уже проверили?

– Ещё не успели.

– Я из-под земли достану этих мразей! – Новый приступ бешенства заставил Дино снова включиться в разговор.

– Дино, закрой рот. – Оглушительная тишина заполнила комнату до краев. – Пока я задаю вопросы – вы молчите, – холодным, тяжёлым тоном я давлю его дерзкий пыл, заставляя наконец-то заткнуться. Мне потребовалась секунда, чтобы перевести дух и вернуться обратно в диалог. – Продолжай, Тони.

– Есть опасения, что именно Чикаго могли быть заинтересованы в том, чтобы избавиться от Амелио и Фитцджеральда. Их бизнес тесно связан, поэтому убрать конкурентов для

них было бы лучшим решением.

– Хорошо, эту версию однозначно надо проверить. Ещё предположения есть?

– Чикаго не стали бы так рисковать, выдавая свою дочь за меня замуж, – самый старший брат, двадцатисемилетний Маттиас, озвучивает своё мнение.

– Четвёртую дочь, Метти, – поднимая палец вверх, Дино обозначает вновь своё присутствие в кабинете. – Одной больше, одной меньше, разве им жалко? – издав небрежный смешок, он щедро сыплет язвительные фразы в адрес старшего брата, играя на нервах.

Его, с недавних пор, зависимость от кокаина уменьшила ему мозг, атрофировав отдел, отвечающий за адекватность информации. В ответ на его слова самый старший кинулся на него, взяв в обе руки лацканы его рубашки.

– Дино, ты заигрываешься, – рыча ему в лицо, Маттиас краснеет от нарастающей ярости. – Слухи о тебе расходятся очень быстро, братец, – тяжело дыша ему в лицо, он зажимает его горло ещё сильнее. – Твоя новая привычка мне не по душе, – он смотрит ему в глаза прожигающим взглядом. – Иди умойся и приходи обратно, если твоё накаченное опиумом тело сможет тебя дотащить сюда. – Отпуская рубашку, он кидает с силой его обратно в кресло и отступает на шаг, борясь с желанием вернуться и выкинуть младшего брата из кабинета.

Я поглядываю на циферблат наручных часов, намекая на

то, что мой лимит времени давно исчерпан, но накаляющаяся атмосфера в комнате, разогретая до предела, говорит о том, что все только начинается.

– Свои личные проблемы вы обсудите позже, когда мы решим более важные, существенные проблемы. – Клокочущая злость начинает прорываться через кожу. – Включитесь уже, мать вашу, и дайте мне конкретику по делу, а не сопли на кулак наматывайте.

Обойдя стол, я облакачиваюсь на него всем телом, скидывая пепел от новой сигареты.

– Дино, – кидаю взгляд на парня, который вот-вот отключится от переизбытка белого порошка в крови, – в последнее время ты сильно пасуешь. И мне эта херня не нравится. – Он молчит, не пытаясь спорить со мной. – Приведи свою гребанную башку в порядок и встань в строй. Потому что в худшем случае мы потеряем и тебя.

Эмоции на его лице резко меняются, и он понимающе кивает мне в ответ.

– До утра осталось несколько часов. Иди проспись. Мне не нужны здесь живые трупы. – Послушно выполняя мой приказ, он направляется к двери. – И еще, Дино, – сделав небольшую паузу, я жду, когда он обернётся, – если тебя может сломать такая дерьмовая, низшая вещь, то чего стоит твоя воля? – задаю риторический вопрос и отпускаю его.

Выпроводив самого младшего за пределы кабинета, я достаю из кожаной папки документы и кидаю их на стол, тем

самым переключая все внимание сидящих на себя.

– Данная информация вас тоже заинтересует. – Передаю бумагу рядом сидящему Тони, который внимательно принимается изучать содержимое документа. – Эти бумаги должны быть подписаны в понедельник утром. – Сохраняя невозможное выражение лица, я засовываю руки в карманы брюк. – Я лично проверил весь список наших подрядчиков и инвесторов, вошедших в «Элтимо групп» не так давно. В списке числилось имя человека, которого я ни разу не встречал. Также я проверил всех членов комиссии, присутствующих на заседаниях по слиянию компании. И ни в одном из документов его имени не было.

– Томас Шон, – Тони вдумчиво произносит его имя за меня.

– Именно. – Положив сигарету на губы, я перелистываю бумагу и открываю следующую страницу. – Я попросил проверить его статус и принадлежащие ему компании. И куда интереснее, в списке перечисленных я нашёл дочернюю холдинговую компанию «Эирлайнс Американ», принадлежащую нашему почётному другу Франку Бруно – Боссу Сан-Франциско.

– Не понимаю, – посмотрев на меня, Тони неуверенно продолжает говорить. – Если они хотят вести дела с нами, то зачем скупают акции? – он вопросительно изгибает бровь. – Они давно в курсе, что объединить наши силы было бы гораздо разумнее, чем отхватывать лакомый кусок от торта без

нашего ведома.

– Думаешь, эта шестерка Шон – крыса? – предугадав мой посыл, Метти озвучивает свои мысли вслух.

– На основе изложенной мной информации делать выводы пока рано. Я отправил его в разработку и жду отчёт по всей его деятельности. – Потушив сигарету, я запиваю вкус смолы на языке перченой жидкостью. – Последнее время наши границы сильно размылись. И теряя таким образом контроль, мы сами копаем себе глубокую яму, – с негодованием выплёвываю я. – В конечном итоге это приведёт нас к обвалу всех сфер, включая большую потерю наших людей, что, собственно, уже происходит. Держите руку на пульсе. Всегда. Проверяйте всю информацию о людях вне семьи, даже если вам кажется, что война кончилась.

С шумом поставив пустой стакан на стол, я объявляю, что собрание окончено.

Всем нужно время на обдумывание информации и принятие решений. Мой смазанный от недосыпа взгляд плывет по комнате, пытаясь собрать последние крупинки сосредоточенности.

– Узнайте у копов, что им удалось нарыть. Если есть хоть что-то, то вы сами знаете, что с этой информацией нужно сделать.

Я добираюсь до дома уже глубоко под утро, когда из-за плотных штор в окна просачивается свет нового дня. Голова раскаляется от излишнего напряжения и потока мыслей о произошедшем. И, несмотря на весь этот хаос, все мое сознание крутится вокруг бандитки с лисьими глазами цвета смолы. Между нами однозначно проскочила мощная искра, игнорировать которую я не в состоянии. Высокие волны смятения терзают мою душу, не желая впускать подобные думы в глубины моего сознания. Я всегда знаю, где провести границу между дозволенным и запрещённым. Но сегодня... Я чуть не нарушил свои собственные принципы, лишившись на долю секунды рассудка, разглядывая себя в чёрном омуте ее глаз. Чертовка во плоти. Знаю, что всю кровь мне высосет своими расспросами, как только поймёт, что может всецело доверять мне. Непреодолимое желание тут же доказать ей это просыпается и одновременно смешит меня. Черт возьми, с каких пор я стал таким благодетелем, блядь?

Не включая свет, я сразу направляюсь в душ, чтобы смыть с себя остатки прошедшего дня. В панорамном окне тягучие, густые облака застилают вид на пустующий центральный парк. Кипяток обжигает мои широкие плечи и расслабляет все мышцы. Последние несколько дней кровать в моем доме – всего лишь мебель, украшающая мои холостяцкие

апартаменты на сорок первом этаже. Я уже давно не спал, как все обычные люди. Два часа – мой рекорд. И это, мать его, было лучшее время, чтобы забыться и уйти от реального мира.

Обмотавшись полотенцем, беру с тумбы телефон, проверяю все отклоненные мной звонки и вместе с этим нахожу десяток новых. Новость об убийстве распространяется с молниеносной скоростью и, конечно же, создаёт много вопросов у людей, желающих сотрудничать с нами. На кой черт связываться с такими, как мы, если не можем уследить за своими же людьми в охраняемом, казалось бы, месте. Сколько же дерьма придётся разобрать после случившегося. Выдыхая последний остаток сил, я отпиваю прямо из бутылки ледяную воду и открываю планшет, где на загоревшемся экране высвечивается база данных с изображением девушки.

Камелия Моретти. Дата рождения: тринадцатое апреля тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Родилась и выросла в городе Катания. Место учебы: Международный Миланский университет искусств и дизайна.

Отец – Микаэло Моретти. Пятьдесят пять лет. Официальное место работы: Строительная фирма «DLS». Дата рождения: двадцать третье августа тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Дата смерти: шестого июля две тысячи тринадцатого года. Причина: убийство с тяжкими телесными повреждениями в области головы и груди, нанесёнными острым предметом.

Мать – Анита Моретти. Тридцать один год. Официальное место работы: больница святого Серапиона. Дата рождения: двенадцатое октября тысяча девятьсот семьдесят пятого года. Дата смерти: десятого ноября две тысячи шестого года. Причина: острый лейкоз.

Пробежавшись глазами по экрану, я пытаюсь найти хотя бы одну причину бестолковости ее сегодняшнего поступка, но не нахожу. Пролистав чуть ниже, я заостряю своё внимание на файле с сегодняшней датой. А это уже интереснее, леди Моретти. Что там нарыли мои парни на тебя? Нажимаю пальцем на значок файла, и открывается несколько видео с камер наблюдения в отеле Ритц. Немедля щёлкаю на первое видео и внимательно изучаю содержание ролика. Узнаю уверенную походку этой пантеры. Черт, а ее платье... Ядвигаю планшет ближе, одержимо рыская по всему ее телу. Не слишком короткое для подобного мероприятия, Ли? Словно маньяк, слежу за каждым ее движением и, возможно, даже не моргаю в эти секунды. Она абсолютно не похожа на ту, которая собирается убить несколько человек через пару-тройку часов. Ну, давай же, расскажи мне, девочка, как ты провела этот вечер до встречи со мной. Рассматриваю, как она изящно присаживается на край барного стула и мельком оглядывает весь зал. Кого ты ищешь, Ли? Жаль, что в это время был занят другими вещами. Я был бы не против составить тебе компанию.

Видео прерывается, лишая меня фантазий насчёт несо-

стоявшегося вечера. Открываю ещё одно и продолжаю, будто сталкер, наблюдать за каждым ее движением. Мой воспалённый мозг даже не задается вопросом, зачем мне вообще прислали это видео. Это уже не играет никакой роли. Я определённо смотрю хороший фильм с участием лисы, которая даже не догадывается, что мои глаза следят за ней повсюду. Все шло отлично до того момента, пока за ее спиной не нарисовался высокий силуэт мужчины, одетого с иголки. Я не вижу его лица, но он касается своей рукой ее плеча и что-то шепчет. Да ты здесь не одна, оказывается. Внутри что-то кольнуло от собственнического инстинкта, который и вовсе не должен был появляться. Какого черта, Гризли? Он присаживается напротив неё и широко улыбается. Я резко нажимаю на паузу и приближаю его лицо. Доля секунды мне потребовалась на то, чтобы осознать, что мне не померещилось. Шон? Томас Шон? Сон будто рукой смыло. Я подрываюсь с кровати и рыскаю рукой по ней в поисках телефона. Нахожу нужный контакт и нажимаю на кнопку вызова. На том конце трубки мне отвечают молниеносно.

– Томас Шон и Камелия Моретти, – произношу голосом, больше похожим на рык, делая акцент на последнем имени. – Проверьте, как они связаны и сразу пришлите мне всю информацию. Их встречи, переписки, все, что угодно. – Я резко сбрасываю звонок и на высоких оборотах приступаю к следующему, последнему ролику. Схватив планшет, нажимаю на кнопку плэй.

Как это, твою мать, понимать? Моя ярость растёт пропорционально секундам на видео. Сучка с ним связана? Вполне себе ведь реальное предположение, если учесть ее боевой настрой при встрече со мной. Будто знала, что защитят. Глубоко ты ошибаешься, Ли. Я бы своими руками тебя придушил, узнав, что ты подставная. Я хрипло усмехаюсь, чувствуя искрящую злость в руках. А глаза предают, смотрят на неё, не отрываясь. Поиграть решила с крупными рыбами, девочка? Я устрою для тебя представление, крошка, даже не сомневайся. Будешь главной актрисой этого чертова спектакля, пока сама, своей глупенькой головой не допрёшь, на кого нарвалась. Спас, блядь, на свою голову.

Теперь я знаю точно – позвонит мне, никуда не денется. Захочет все узнать, чтобы слить информацию конкурентам. Если все мои предположения оправдаются, то я в полной жопе. Вся операция длиной в десять лет полетит к чертям собачьим. Сука! Я впервые за тридцать два года своей жизни начал терять равновесие. Если Шон тесно связан с Сан-Франциско, и до них дойдёт хотя бы мизер информации, кто я на самом деле такой, то мне захотят пустить пулю в лоб более двух тысяч человек по всей Америке. А как только мои люди выяснят, что причиной всему этому она – уберут и ее. Незамедлительно. Глупая, ты даже не догадываешься, во что ты вляпалась, Ли. Находясь без сна вторые сутки, мой организм теряет последние силы на размышления об этом. Я падаю поперёк кровати и лечу в темную, бесконечную про-

пасть, затягивающую меня все глубже, пока я полностью не отключаюсь от реального мира.

Глава 4

Камелия

Удар. Быстрый вдох. Удар. Глубокий выдох.

Груша, принимающая на себя всю силу моей ненависти, раскачивается из стороны в сторону, явно не желая сегодня сотрудничать. С рыком бью ещё раз и попадаю точно в цель. Мое тяжёлое, сбитое дыхание говорит о том, что сегодня я точно не настроена на осознанную тренировку.

– Эй! Эй! – направляясь ко мне с другого конца зала, тренер повышает голос, чтобы я услышала его. – Полегче, тигрица, – подойдя ко мне ближе, он приподнимает правую бровь. – Ты что, собираешься растерзать ее до смерти? – С искренним смехом Клайд останавливает в воздухе висящую грушу.

– Возможно, и да. – Восстанавливая своё рваное дыхание, я скидываю боксерские перчатки на пол и тянусь за бутылкой воды. Половина жидкости течёт мимо рта, попадая на мой топ персикового цвета. Тренер наблюдает за моими движениями, прищунив глаза. – Да, очень сексуально, – озвучивая мысли вслух, он поднимает глаза на меня. – Но удары у тебя сегодня дерьмо. Я предупреждал тебя, Ли, что ненависть – тоже эмоция, и ее нужно уметь правильно распределять, – читая мне очередные нотации будничным тоном,

Клайд уверенно всматривается в мое лицо. – Ты lupишь по груше в тот момент, когда глаза застилает гнев. – Он дотрагивается пальцем до моего виска. – Твой мозг не думает. Поэтому вероятность того, что твой оппонент вмажет тебе прямо между бровей, очень велика. У тебя две минуты отдышаться. Затем встаёшь со мной в спарринг и спокойно отрабатываешь то, что битый час пыталась тут делать.

Всучив мне брошенные перчатки, он уходит, оставляя меня наедине со своими мыслями, которые не дают мне покоя уже третий день. С того самого вечера, когда я встретила лицом к лицу с человеком из прошлого.

Невозможно сосредоточиться на чем-либо, когда все, что ты так долго планировала, рухнуло в один миг. Давящий груз неприятия реальности сжимает мою грудную клетку и не даёт нормально дышать. Вместе с этим, на протяжении нескольких дней меня одолевает чувство паранойи. Может быть, я схожу с ума, но меня не покидает ощущение, что я постоянно нахожусь под прицелом его людей. Чувствую своей кожей, всем нутром, его пристальный, холодный взгляд, сосредоточенный на мне. А может быть, это лишь выдумки, не имеющие никакого отношения к реальности.

Все оставшееся время тренировки Клайд постоянно ловит мой отстраненный, витающий где-то взгляд и возвращает обратно. Его попытки отрезвить меня не помогают. Я выполняю его просьбы на автомате, словно робот, совсем не чувствуя боли и мышц.

Выхожу на улицу, чтобы обдумать дальнейший план действий. Нужно что-то решить, пока я окончательно не свихнулась. Достав из кармана куртки металлическую визитку, кручу ее в руках и долго смотрю на номер телефона, выгравированный на ней.

Навести справки об Аароне было нелегко. Информации о его скрытной личности – с пыль. Но найти место проживания было проще простого, тем более что он сам протянул мне в руки свой номер телефона, который я с легкостью отследила.

Закусив губу, я все ещё оцениваю разумность своего поступка. Понятия не имею, что сейчас делаю. И к чему это меня приведёт. Возможно, я своими же руками тянусь к капкану, который вот-вот захлопнется. Рискованно надеяться на то, что жизнь предоставит мне ещё один шанс убежать от смерти, но у меня не остаётся выбора, кроме как пойти и самой все разузнать.

Говорил ли Гризли правду? Или нагло врал в лицо, играя на моей уязвимости в ту секунду. Он обрушил все мои планы явно не для того, чтобы спасти меня. В тот момент он даже не догадывался, кто скрывается под маской обычной официантки. Тогда на кой черт остановил меня?

Да, я облажалась. Не смогла предвидеть настолько неожиданную ситуацию в тот вечер. И это чувство неудовлетворения гложет уже третий день, опуская меня на дно неопределенности. Может быть, это всего лишь его игра, целью кото-

рой является убрать меня раз и навсегда.

Если все же словам Аарона можно верить, то рано или поздно я ошибусь. И мне не сложно представить, что со мной сделают в таком случае. Он посеял во мне зерно сомнения, которое с каждым днём прорастает все глубже. Но так просто я не сдамся. Шанс на вторую жизнь нужно использовать по полной, а не прозябать с мыслью, что так и не смогла решиться что-то изменить в этом жестоком мире.

Я закидываю ногу через сиденье своего мотоцикла Дука-ти-дьявол и вставляю ключ в замок зажигания. Свирепое, злое рычание двигателя заполняет все пространство парковки. Зажимаю рукой газ и стартую с места, оставляя за собой клубы пыли.

* * *

Штаб-квартира наёмника? Поднимаю взгляд и скольжу им по высокому стеклянному зданию из пятидесяти этажей. Да у тебя отличные условия для жизни, Гризли. Слезая с мотоцикла, я вешаю шлем на ручку тормоза. Дикая интерес смешивается с не унимающейся тревогой и создаёт ощущение невесомости.

Я вхожу в просторный холл и направляюсь к лифту, минуя ресепшн. Бесшумный механизм поднимает меня на 41 этаж и открывает свои стеклянные двери. Я шагаю по просторному коридору, осматриваясь по сторонам в поиске номера

Гризли. Пройдя шесть квартир, я наконец подхожу к той, на двери которой красуются нужные мне цифры. Прежде чем коснуться звонка, я замираю, обдумывая то, что могу сказать ему прямо сейчас. Дверь бесшумно открывается, лишая меня таких необходимых секунд раздумья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.